АНАТОЛИЙ

ГАЛКИН

ПЯТЫЙ ТУЗ

Еще не вечер

Анатолий Галкин

Пятый туз

«Автор»

Галкин А.

Пятый туз / А. Галкин — «Автор», — (Еще не вечер)

Нет в жизни счастья! Даже если ты богатый и здоровый — жди жуликов, которые «обуют» тебя как лоха. Обидно, честное слово! Внутри тебя вскипает ярость благородная, хочется отомстить, но… чужими руками. Приятно из жертвы превратиться в охотника. Победа близка! Но вдруг исчезает важный свидетель, появляется первый труп, потом «живой труп». И теперь уже тебе приходится прятаться, петлять, юлить. Надо только верить, что справедливость всегда побеждает. Рано или поздно. А иногда - очень поздно.

© Галкин А.
© Автор

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 17
Глава 3 30
Глава 4 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Анатолий Галкин
Пятый туз

Глава 1

Игорь Савенков долго не мог заснуть.

Жена с детьми три дня назад уехала в Крым к старым друзьям, и ему было очень неуютно, одиноко в пустой квартире… Он попытался убаюкать себя детективом, но через несколько минут понял, что не сможет врубиться в сюжет. Мысли все время срывались на круговорот прошедшего дня.

Сначала Савенков вспомнил укоризненный взгляд Ильи Васильевича, старого белоруса, у которого недавно снял офис – две комнаты с разнокалиберной конторской мебелью. Хозяин помещений скромно намекал, что надо платить очередной взнос…

Затем в мыслях Савенкова появился Борис – компаньон и почти закадычный друг. Он тоже смотрел с упреком, холодно и даже угрюмо.

Сегодня Игорь решительно отказался содействовать ему в продаже большой шестикомнатной коммуналки на Арбате.

Прибыль ожидалась огромная, но имелся и полный букет потенциальных опасностей… Среди жильцов есть псих, два алкоголика, лишенные родительских прав. А их сын, прописанный в этой же квартире, скоро выходит из интерната…

Но не это самое страшное! Был еще один факт, который буквально добил Савенкова.

Раньше в этой квартире жил старик, который исчез два года назад. Борис предлагал через знакомых из морга оформить этого старика «умершим». И это пахло криминалом!

…Савенков подумал, что завтра надо обстоятельно поговорить с Борисом. Очевидно, что этот жизнелюб опять наделал кучу долгов и теперь готов зарабатывать чем угодно… Конечно, в бизнесе можно и нужно рисковать, но всему же есть предел…

Потом Савенков вспомнил, что с завтрашнего дня обещал прибавить зарплату секретарше… Потом подумал о сломанном факсе, затем – о важном договоре, который он оставил на столе, а надо было бы спрятать его в сейф…

Если человек с трудом заснул в два часа ночи, ему вряд ли доставит удовольствие телефонный звонок. Удивительно громкий звонок… До неприличия громкий, хамский и назойливый!

Игорю понадобилось две-три секунды, чтобы проснуться, сообразить, что это междугородка, что сейчас три часа ночи… Его голос прозвучал, как всегда, спокойно и доброжелательно:

– Добрый вечер. Я вас слушаю.

– Игорек? Это я, Павленко. Не разбудил?

– Немного разбудил…

– Игорь, кончай ехидничать. Мне не до шуток. Сам понимаю, что час ночи.

– Три часа.

– Это у тебя – три. У меня на Кипре час ночи. Слушай, ты мне очень нужен. Срочно!.. Не перебивай. Слушай и записывай. Сегодня в десять утра тебе позвонит человек. Его зовут Марат. Договоришься о встрече. Загранпаспорт у тебя есть?

– Да, но…

– Никаких «но»! Марат сделает как надо. После обеда полетишь с тургруппой на Кипр. Он тебя проводит, передаст деньги, билеты, путевку. Ты пока собирайся, ну там плавки, бритву. Сам понимаешь. На три-пять дней. Это очень важно для меня и, возможно, для тебя… Прошу тебя!.. Договорились?

Игорь знал мертвую хватку Сереги Павленко, но и сам умел противостоять любому натиску. Но отказываться очень не хотелось. Впереди маячил Кипр! А это море, яхты, пальмы и пляжи с киприотками… И очень похоже, что все это не за свой счет.

Да и не в этом дело! Вернее – не только в этом!.. В последних словах Сергея Савенков почувствовал трепетную надежду. Не в манере Павленко – просить. Стало быть, это действительно важно для него. В этом раскладе отказать старому школьному товарищу было бы как минимум свинством.

…Мелькнула и еще одна мысль. Не то чтобы предательская, но очень неуютная, неудобная. Меркантильная мысль!.. Игорь давно собирался сменить свой не очень удачный, рискованный, бизнес. Но просто просить помощи у Павленко, ставшего за последние годы весьма богатым, обросшим связями предпринимателем, не позволяла гордыня. А эта непонятная пока поездка могла помочь решить и эту проблему.

Савенков прижал к уху трубку и думал, а Павленко на другом конце провода проявлял чудеса терпения… Наконец Игорь сообразил, что его молчание затянулось.

– Хорошо, Серега, договорились! Лечу к тебе.

– Ну, спасибо! Сам я тебя встретить не смогу. Тебя найдут в аэропорту и привезут ко мне. Как тебя описать?

– Толстый, лысеющий, улыбающийся блондин с зеленой сумкой и журналом «Огонек» в правой руке.

– Ага! И в багаже «Славянский шкаф с тумбочкой». Кончай свои шпионские штучки. Впрочем, нормально. Журнал в правой руке. Может, лучше «Плейбой»?.. Шучу! Для твоей фактуры «Огонек» – самое оно. До встречи, Игорь!.. Да, Марат абсолютно не в курсе моих дел. Ты его даже и не спрашивай. Все. Привет!

– До встречи!

Игорь встал и медленно пошел на кухню за холодным «Спрайтом»… Затем развалился в кресле и придвинул пепельницу – пока жены нет, можно покурить и в комнате. Да и повод «сурьезный». Бросить все и по первому звонку сорваться на Кипр… Надо предупредить Галину, а то она с ума сойдет.

И все-таки, что там, у Сергея могло случиться?

Савенков вдруг понял, что не сможет заснуть, пока не составит четкий план на завтра. Он придвинут к себе блокнот и на секунду задумался. Что у нас первым делом? Главное – это, конечно, жена. Он подумал о ней с нежностью и без капли иронии.

Вот уже более двадцати лет жена была для него всегда на первом месте. Он говорил об этом всем, в любой компании, с ней или без нее. Здесь не было ни игры, ни позерства или кокетства. Просто он так чувствовал, просто его постоянно переполняло желание поделиться со всеми своей радостью. Пусть все завидуют, пусть постараются жить так же, если смогут… Не лучше, а так же. Потому что лучше не бывает!.. Лучше не может быть.

За эти двадцать лет у Игоря было много неприятностей по работе. Не больше, чем у других, но – были. То руководство выдаст залп злой и несправедливой критики, то подчиненный потеряет секретный документ. Всякое бывало. И нельзя сказать, что он относился к этим происшествиям спокойно, без волнения. Скорее – с философской иронией: все это мелочи, все это досадные заботы, все это суета сует.

Главное для него – семейное счастье! Главное – каждый день видеть свою жену, разговаривать с ней, ощущать ее рядом… Каждый день!

А уже три дня он был один… Может быть, и из-за этого он так долго не мог заснуть сегодня. Может быть, поэтому он так быстро согласился лететь на Кипр – прекрасный способ отвлечься от одиночества.

Итак, завтра в восемь надо позвонить в Симферополь и попросить дежурного по штабу передать на девятую заставу информацию для Галины Савенковой о неожиданной недельной командировке ее мужа.

Теперь – второй вопрос!.. Второй вопрос расположился рядом с креслом и смотрел на него двумя парами доверчивых, тревожных глаз.

Игорь всегда разговаривал со своими собаками спокойно, стараясь не употреблять сложных слов и оборотов. Он считал, что в этом случае собаки понимают его полностью.

– С тобой, Джина, вопрос решается просто, – обратился он к маленькому серебристому пуделю. – Завтра я тебя отвезу к тестю с тещей. Ты их любимица, и здесь проблем не будет. Ты согласна?

Джина завиляла хвостом и довольная легла у кресла. Какие, мол, со мной проблемы. Два раза в день погулять да три раза в год постричь. Еды мне много не надо, правда, желательно колбаски. А этот черный балбес по три огромных миски сжирает. И сырое мясо ест. Фу!

Черный балбес, изумительной красоты породистая немецкая овчарка, не отрываясь, смотрел в глаза Игорю. Макс понимал, что сейчас решается его судьба.

– Тебя, брат, попробую соседу оставить. Ты их всех знаешь и любишь. И они тебя любят. – Игорь улыбнулся, увидел, что Макс согласно кивнул и приготовился слушать дальше, наклонив голову и навострив уши. – А если это не получится, я тебя, Макс, тоже тестю оставлю. Он тебя возьмет – куда он денется. Но ты обещай к Джине не клеиться. Она у нас девушка строгих правил, а ты – громила, да еще и черный. Ты с ней заигрываешь, она огрызается, а тесть волнуется. Нехорошо, брат. Обещай на недельку притормозить свои эмоции.

Макс еще раз кивнул и, сообразив, что его судьба на ближайшую неделю тоже успешно решена, улегся рядом с креслом, отвернувшись от Джины.

Теперь – следующий вопрос. Надо позвонить Борису. Он, конечно, с удовольствием сам недельку покомандует в офисе… Много бы надо ему сказать, но в одном разговоре нельзя предупредить все возможные глупости, которые этот авантюрист совершит за неделю.

Хороший ведь парень! Добродушный, весельчак, оптимист. С ним хорошо на отдыхе, на пикнике, но не в бизнесе. Здесь оптимизм вредит. Он заставляет считать, что любой проект будет реализован так, как задумано. Все, кто должен дать деньги – дадут их, кто должен приехать – приедут, кто должен подписать – не заболеют, а кто может навредить делу – заболеют… В бизнесе надо руководствоваться законом бутерброда. Все, что может сломаться в системе – сломается обязательно, а то, что не может сломаться – тоже сломается.

Борис напоминал Савенкову игрока в шахматы, который считает на несколько ходов вперед, но только за себя. Я, мол, пойду так, потом так, затем так и так и поставлю ему мат. И он как оптимист даже не поймет, не воспримет вопрос: «А если противник после первого твоего хода пойдет сюда и разрушит твою комбинацию?» Этого не может быть! У меня отличный план. Почему кто-то будет его разрушать?

Да, с Борисом надо разбираться, но не завтра. Впрочем, после встречи с Павленко все может измениться. Игорь интуитивно чувствовал это.

Сергей Павленко до перестройки звезд с неба не хватал. Нормальная карьера: студент строительного института, спортсмен, руководитель стройотрядов, начальник участка, глава небольшого треста.

И вдруг в начале девяностых господин Павленко преобразился. Он – организатор акционерного общества по строительству банковских зданий, элитных жилых домов, коттеджей в Подмосковье. Шикарный офис на Мясницкой. Новые связи, новые друзья…

Савенков, конечно, придерживался мудрого правила: не считать чужие деньги. Но для того чтобы понять, что у Павленко есть десятки миллионов долларов, не надо к бабкам ходить. Надо лишь знать, что за последний год у Сергея появилась новая двухсотметровая квартира на Арбате и два особняка – один в Завидово, а другой на Кипре…

Игорь знал все это от самого Павленко. Их редкие встречи были достаточно откровенны… Савенков почувствовал, что этот ночной звонок может решительно изменить его жизнь. Очевидно, что он понадобился Игорю не как партнер для школьных воспоминаний.

Итак, завтра нужна свежая голова, а все остальное будет лишь перемалыванием воды в ступе. Трудно анализировать, когда нет информации, и зверски хочется спать…

На следующий день Игорь действовал по подготовленному плану. Сделаны необходимые звонки. Собрана зеленая сумка со старым «Огоньком» в боковом кармане…

В 11 утра заехал Марат, тридцатилетний молчаливый парень. Потом поехали в какое-то турбюро, подписали документы, пообедали и отправились в Шереметьево. Там – встреча с группой, и в последний момент Марат вручил 5 000 долларов. Как он сказал – «по просьбе Сергея Сергеевича».

Савенков не любил самолеты. Если была возможность, он выбирал всегда поезд или автобус. В самолете его охватывала какая-то тревога, дрожали руки и коленки, сдавливало дыхание. Он начинал суетиться, много разговаривать, невпопад шутить.

Он сам себе был противен в таком состоянии. Это не было трусостью. Савенков твердо верил, что безвыходных ситуаций нет. И когда появлялись, казалось бы, неразрешимые проблемы, его мозг начинал спокойно, быстро и достаточно эффективно искать оптимальное решение. И тот или иной выход всегда находился… А в самолете, в этой набитой людьми железной банке, заброшенной на 10 тысяч метров, его угнетало чувство полнейшей безысходности. Он совершенно не мог влиять на ситуацию. Если балбес-механик не затянул болты на крыльях? Значит, все – ку-ку!

Правда, Савенков в своих болезненных опасениях был, очевидно, не одинок. Тургруппа, перезнакомившись еще в аэропорту, начала активно лечиться сразу после взлета. По рядам начали порхать бутылки. Настроение поднималось быстрее самолета.

Основная мишень для шуток обнаружилась еще в Шереметьеве, когда двадцатилетний Вадик, претендующий на роль группового хохмача, громко заявил девушке в пограничной форме, что паспорт у него наверняка фальшивый и фотография у него переклеена… Но это было лишь начало.

Когда группа успела обратить на него внимание, он при прохождении спецконтроля, работая на публику, заявил, что везет бомбу, да еще пластиковую, которую в их телевизоры не разглядеть. Солидная женщина-контролер после паузы громко сообщила: «Я вынуждена снять всю группу с полета для проведения тщательного досмотра. Вы подтверждаете свое заявление о бомбе?»

Теперь уже вся группа с Вадиком в центре на пять секунд застыла в ревизорской «немой сцене». Правда, Вадик больше тянул на Хлестакова, чем на Городничего. Он первый опомнился и закричал: «Это шутка была, я осознал, я раскаиваюсь, это шутка!»

Парень из группы, похожий на штангиста, поддержал его: «Дурацкая шутка!.. Этого пустомелю мы берем на поруки». Вся группа засуетилась, делая похожие заявления об уровне юмора Вадика и его умственных способностях.

Уже в самолете глупая выходка Вадика воспринималась как забавное приключение. Пытаясь реабилитироваться, он продолжал шутить. Парень заявил, что вся группа должна

общаться между собой на «ты». Но сделать это каждый должен индивидуально, путем «брудершафта»… Мужчины в группе его поддержали и начали массовое братание. Пары динамично менялись. Некоторые после акта «брудершафта» случайно или обдуманно обращались к кому-либо на «вы», что требовало немедленного закрепления братания.

Одним словом, только на подлете к Кипру Савенков вспомнил, что не очень любит самолеты и что летит-то он не на гулянку, а скорее всего по серьезному делу.

В аэропорту Игоря буквально выудила из группы молодая женщина, которая не спускала глаз с его зеленой сумки и журнала «Огонек» в правой руке:

– Здравствуйте! Вы Игорь Савенков?

– Вы правы. Или еще кто-нибудь читает прошлогодний «Огонек»?

– Я Ольга Колыванова, домоправительница Павленко… Сергей Сергеевич просил отвезти вас в особняк. Сейчас он в Лимасоле и будет дома только завтра утром.

– Ну, раз Сергей Сергеевич просил – везите меня, домоправительница Ольга, в особняк.

* * *

Раиса Галаева дорожила своей работой. Она понимала, что практически невозможно в ее возрасте да в наше время найти в Москве стабильную, высокооплачиваемую и не очень утомительную работу. Но тут не просто работа, а служба, военная служба с контрактом на семь лет. Как раз до пенсии!

Нет, ей определенно повезло. Ее порекомендовала подруга, которая пришла сюда только на два месяца раньше. Здесь небольшой коллектив – семь женщин среднего возраста, все лейтенанты, и четверо мужчин, старших офицеров.

Раису Павловну не угнетала сменная работа и периодическая необходимость выходить в субботу и в воскресенье. Она была одинока. С мужем разошлась десять лет назад, с дочкой – два года назад. Самостоятельно разменяв квартиру и получив после переезда из подмосковного городка комнату на окраине Москвы, Галаева начала активно искать работу и мужа или, как она говорила, спонсора.

Работа находилась, но на уровне киоскера, «челнока», продавца «гербалайфа»… А мужем совсем даже не пахло. «Спонсоры» при ее общительном характере появлялись, но все какие-то мелкие, одноразовые. С ними было скучно. Они всегда торопились и не хотели ее слушать.

А Раиса Павловна готова была долго рассказывать любому о своей жизни, о своих приключениях. Она говорила живо, с юмором и самоиронией… Это было ее потребностью. Это поддерживало ее. Ей хотелось, чтоб на нее весело смотрели со стороны и думали: вот чудачка, во дает!

Но дома рассказывать некому – сосед-алкоголик с религиозными наклонностями. Иногда слушатель хороший, но не собеседник. А на новой работе нет слушателей вовсе. Смена – три человека в трех одноместных комнатках. Общение с руководством ограничено – конспирация. В комнате магнитофоны, стол, стул, шкафчик и зашторенные окна.

Раиса Павловна никогда не разбиралась в структуре спецслужб, правда, сейчас после стольких пересортировок и переименований в них вообще мало кто разбирается. Ей было достаточно, что она служит в одном особом, сверхсекретном отделе ФСБ. Или того, что раньше называлось КГБ.

При приеме Галаева узнала, что их отдел имеет кодовое название «Янус», что главное – спокойно, напряженно работать и молчать. На стороне – ни полслова. Иначе можно не только выговор схлопотать, а потерять всё!

А что можно потерять, она поняла сразу, когда начальник отдела полковник Владимир Викторович Панин самолично передал ей первую зарплату, деньги за звание, за секретность, за вредность и обещал в ближайшее время деньги за военную форму.

Работала Раиса Павловна по фирмачам, бизнесменам, по новым русским. В начале смены майор Лобачев, заместитель Панина, приносил три-четыре кассеты и записку – на что обращать особое внимание сегодня. Дело простое – слушаешь текст, выбираешь суть, печатаешь сводку. В конце смены докладываешь Панину или Лобачеву. По наводящим вопросам понятно, что их интересует, и иногда приходится дополнять сводку незначительной на первый взгляд информацией… Все просто. Даже очень просто!

Последний месяц Раиса Павловна работала исключительно по объекту «Паук». Похоже, что по нему работали еще два-три оператора. Ничего страшного в этом «Пауке» не было. Раисе Павловне доставались в основном телефонные переговоры и изредка – беседы сослуживцев о «Пауке»… Никакой он не паук! Нормальный мужик! Строитель, директор фирмы, весельчак и матерщинник – некто Павленко Сергей Сергеевич. Возможно, он жулик, иначе, откуда у него столько денег?.. Конечно, он бабник, пьяньчуга и хитрюга, как любой нормальный хохол… А еще он грубоват, но дядька юморной, с широкой душой, напористый и пробивной.

Галаева мечтательно вздохнула: мне бы такой подошел, но даже увидеть его, вероятно, – не судьба… Да и есть у него жена по имени Катерина. Правда, она «с приветом» на почве ревности. Очень нервная и вспыльчивая… Нет, оно, конечно, есть почему нервничать. Но об этом знает лишь сам Павленко, его подружки и Раиса Павловна, у которой записи всех разговоров «Паука»… А законная жена Катерина лишь чувствует измену и часто налетает на мужа зря, не по делу.

«Паук» как-то рассказывал: был он в больнице. Одноместная палата. Лежа есть неудобно. Молоденькая санитарка согласилась помочь, села на кровать, кормит с ложечки. А он ее поддерживает за талию, чтобы та с кровати не соскользнула. Крепко придерживает, но всё нормально, в рамках закона… И тут вдруг врывается Катя, миску с супом «Пауку» надевает на голову, санитарку бьет по уху и потом начинает выяснять отношения…

Как говорят одесситы – картина маслом! Санитарка стоит у окна с красным ухом и ревет, Катерина мечется по палате и орет благим матом, «Паук» лежит весь в супе – фрикадельки в волосах и лапша на ушах.

Раиса Павловна начала быстро набирать последнюю сводку по «Пауку». Правда, сегодня очень мало информации. Объект исчез. Вчера не приехал в свой офис, и никто на фирме не знает, где он. Сотрудники тоже затихли – так, бытовые разговоры да обсуждение местонахождения шефа. Есть несколько новых имен и телефонов его бывших подруг, которым звонили в поисках «Паука».

Раиса Павловна подготовила папку и взглянула на часы. Здесь все точно. Панин ждет ее через пять минут.

* * *

Владимир Викторович откинулся в кресле и закрыл глаза. Через несколько минут войдет Галаева… Новой информации по «Пауку» у нее не будет. Панин точно знал, что Павленко в Москве нет, и не будет еще два-три дня. Пока его ревнивая жена в Париже, он на какой-нибудь даче разделяет общество с очередной певичкой или скучающей женой занятого делами чиновника… Такое не в первый раз.

Впрочем, Галаева очень дотошный сотрудник. Она пару раз вытаскивала интересную информацию даже в «мертвый сезон».

Галаева – несчастная сорокапятилетняя женщина, которую Панин «произвел» в лейтенанты. Она, как и остальные сотрудницы его конторы, безусловно, верит ему… Все они верят, что работают «на благо Родины»… Страна дураков!

Владимир Викторович прикрыл глаза и начал мечтать… Скоро всё это закончится! Надо только срочно завершить все задуманное и успешно убежать. В Венгрию, во Францию, куда угодно. Или лучше в Лондон! Все наши там собираются…

Ближайшие два месяца должны принести фирме «Янус» от трех до пяти миллионов долларов. Для старта достаточно…

Панин оглядел свой кабинет… Сносно! Всё очень похоже. Временная, казенная мебель, облезлый сейф кирпичного цвета, портрет «Железного Феликса» и одинокий цветок на подоконнике… Очень похоже! Только комнатка меньше и хуже его последнего кабинета на Лубянке.

Когда Панин действительно работал в КГБ.

* * *

Игоря разбудил ураган по имени «Павленко». Его появление за каменной оградой особняка родило массу новых громоподобных звуков.

Всё в несколько мгновений пришло в движение.

С радостным лаем два добермана бросились к воротам, за которыми методично сигналила хозяйская «Хонда».

Домоправительница Ольга выскочила на балкон, а ее муж, настоящий грек Гавриил, с непонятными приветственными криками поспешил открывать ворота.

Далее последовали вопросы, указания и распоряжения Павленко. Из всего этого шумного сумбура Игорь смог разобрать только фразы, относящиеся к нему непосредственно:

– И будить его. Немедленно будить! Не спать же он сюда прилетел. Красота-то, какая! Срочно на море. Завтракать будем в «Гроте». Ты, Гаврюха, звони пану Андрею, пусть приготовит на двоих, как обычно. И скажи, что намечается завтрак, плавно переходящий в ужин. Он поймет, и чтобы через полчаса все стояло и дымилось… Живо давай!

Игорь вдруг вспомнил Тургенева. Ну да, что-то вроде «Отцов и детей». Приезд друга в усадьбу к богатому барину: суетится челядь, кучер отводит «Хонду» в конюшню, сейчас из погреба выбежит ключница со штофом ледяного «Ерофеича» и с глиняной миской соленых груздей или лучше рыжиков.

Игорь даже вздрогнул, машинально пытаясь сбросить с себя столь очевидное наваждение. Однако чертовски приятно ощущать себя барином! Впрочем, надо срочно приводить себя в порядок. Вот приехал барин, барин нам расскажет…

Игорь уже почти собрался, когда в комнату влетел Павленко и начал торопливо-эмоциональную речь:

– Молодец, Сова! Ожидал от тебя! Моментально откликнулся на просьбу друга. Как я тебя вчера разбудил, а? Не злись. Действительно, очень важно для меня… Тридцать лет назад мы с тобой за одной партой сидели. О чем угодно мечтали. Но чтобы так – ты прилетаешь ко мне в усадьбу на Кипр!.. Нет, никогда ничего нельзя предсказать. Жизнь такие штучки преподносит. Вот и сейчас она может таким боком ко мне повернуться, таким задом… Но ты томись ожиданием. Сейчас – ни слова о деле. Я так решил! Здесь нужен не один час. Все после моря и завтрака. Едем в «Грот». Это я так его называю – по-гречески тарабарщина какая-то, а для меня – «Грот»… Волшебное место. И хозяин – Андрей из Питера. Сам все увидишь через двадцать минут… Молодец, Игорек! Уважил! Собирайся – только плавки и очки. Едем!

* * *

«Грот» оказался действительно волшебным местом. В скалах над морем были встроены четыре неглубокие пещеры разного размера. Основной, традиционный, зал ресторана был наверху, а здесь – экзотика для любителей.

Чтобы попасть в гроты, нужно было пройти по выбитым в скале лестницам и мрачным коридорам, освещаемым лампадами. Кое-где в стенах были устроены ниши с древностями: покрытая ракушками верхняя часть амфоры, плита с античным профилем, голова богини, бронзовая фигурка бородатого Геркулеса.

К каждому из четырех гротов вел свой коридор.

Павленко жестом хозяина распахнул массивную дубовую дверь:

– Заходи…

Он намеренно держал паузу.

После темных коридоров глаза ослепил яркий свет в проеме грота… Лишь через минуту Игорь смог внимательно осмотреться. Его, прежде всего, поразил натуральный вид грота. Он понимал, что природа не могла создать такое: изумительно ровный пол, двух-трехметровые своды со встроенными в нужных местах светильниками…

Трудно было поверить, что это дело рук человека. Точнее – современного человека. Все напоминало пещеру древнегреческих пиратов. Именно так! Вот в углу старинный якорь, позеленевший бронзовый шлем с пробоиной от скифского меча или персидской сабли. А вот абордажные крючья и лук со стрелами.

Что-то, вероятно, – бутафория. И каменные глыбы на сводах наверняка из пластика – как иначе в них вделаны светильники, где проводка? Даже если и так, то сделано все лихо!.. Классно сделано!

В центре грота стоял массивный стол, сбитый из мореных дубовых досок, и под стать ему – два удобных кресла. В одной из стен – старинный очаг-камин. Выход из грота к морю завершался маленьким балконом с кованой оградой. С этого балкона начиналась каменная лестница в 20–30 ступеней, которая вела на индивидуальный пляж. Впереди – только море, скалы-островки, паруса яхт.

Игорь удивился, что с балкона не видно соседних гротов и их пляжей. Все напоминающее о цивилизации и о том, что где-то рядом есть еще люди, но все это умело спрятано, задекорировано. Полупрозрачная раздвижная стенка, перекрывающая балкон в холодные, штормовые дни, убиралась в массивные дубовые столбы, как бы поддерживающие свод по краям грота.

…Полная отрешенность от мирских забот, растворение во времени, слияние с природой.

Павленко выдержал непривычную для себя трехминутную паузу, предоставив Игорю обалдевать самостоятельно, и тоном экскурсовода произнес:

– А теперь посмотрите направо. Осторожно, двери открываются.

С этими словами он подошел к проему в стене, нажал незаметную серую кнопку. Дверь въехала в стену. За ней была довольно большая комната, насыщенная приметами цивилизации: телефон, факс, телевизор, весы, измерители давления и еще чего-то. Здесь же был низкий массажный топчан и две двери: в сауну и прочее.

Павленко взял трубку телефона:

– Андрюша! Через пятнадцать минут все должно быть на столе. Старайся, милый!.. А мы пока пошли в море.

За завтраком было много овощей, лангусты, осьминоги, прочие диковины для заезжего москвича и фирменное блюдо Павленко – мидии в луковом отваре.

– Каково! – восхищался Сергей, доставая полураскрытые раковины из дымящегося казанка. – Какие красавцы! Я тебе не рассказывал историю про этих гадов? Так вот. Год назад мы с женой были в Париже. Я затащил ее на Плас Пигаль – самое злачное место! Вокруг вывески всяких «сексшопов»… И почти напротив кабаре «Мулен Руж» ресторан «Леон де Брюсе». Фирменный по части мидий… Я первый раз их ел. Не поверишь – просто интимное наслаждение. Представь, берешь ее, тепленькую, раздвигаешь две створки, а внутри ароматный крохотный кусочек слегка розового мяса. Ты приникаешь к нему губами – и хлоп, проглотил…

Павленко рассказывал всё это быстро и как-то нервно. Савенкову показалось, что Сергей тянет время, пытаясь отвлечь себя от мрачных мыслей… Точно! Слишком он суетится. Голос у него дрожит, правый глаз дергается, а руками выделывает кренделя и загогулины.

А Павленко пытался продолжить рассказ о Париже:

– Я во французском – ни бельмеса. Знаю наверняка только «шерше ля фам»… Но раз мы в Париже, я решил, что мы потребляем устрицы. Потом сделал фильм. И на видео мой текст записан про устриц. Только в Москве мне дочь подсказала, что это – мидии. И я для смеха в титрах фильма записал: «В роли устриц выступают мидии»… Смешно, да?

Павленко и сам понял, что последние слова он произнес фальшиво. Все утро он «держал фасон». Он знал, что Игорь тоже постоянно думает о главном, но деликатно выжидает… Пора раскрыть карты.

– Слушай, Игорь! Черт с ними, с устрицами, мидиями, и вообще со всей этой мишурой. Давай о деле. Я во всем чистосердечно признаюсь, но прежде вопрос к тебе. Что ты сам думаешь о моем приглашении?.. В двух словах.

– Думаю, что у тебя проблемы. Но это не обычный рэкет. Ты бы справился без меня. Да и я не по этой части… Ты боишься, что кто-нибудь на фирме может продать, или думаешь, что твой офис прослушивается… Тебя кто-то напугал, иначе бы ты не смотался из Москвы за три дня. Но это не бандиты. На тебя наехали профессионалы высокого уровня… Их надо вычислить и переиграть, а не просто задавить. И тут ты вспомнил, что я аналитик, да еще бывший комитетчик… Так?

– Всё так! Всё, – перебил его Павленко. – Молодец я! Вернее – ты молодец. В самую точку попал, имея практически ноль информации… Это то, что надо. И я молодец, что тебя позвал.

И он бросился еще к одной потайной нише в стене, которая оказалась холодильником. На стол были водружены бутылка «Столичной» и банка грибов.

– Не надо, Сергей. Еще полдень не наступил. Давай к делу.

– По пятьдесят, и не больше. Да под грузди соленые. Помнишь, у Чехова: «А грузди соленые в Греции есть?» …Вот теперь и на Кипре есть сибирские грузди. Андрей поставляет… За тебя, Сова! Ты, как сова, умен, прозорлив. Ты мудр. Мы вместе всех их поймаем и все лишнее оторвем, включая голову… А теперь слушай внимательно…

* * *

Последний месяц Павленко вел активные телефонные переговоры и переписку с известной американской фирмой «Рони Стар». Переписка, а по существу, согласование текста договора, велась по факсу и на русском языке. Из Нью-Йорка переговоры вел некто Илья Семенович Шам – бывший наш.

Сделка обещала быть очень выгодной!

Павленко получил подряд на строительство мощного перерабатывающего завода и при определенных условиях становился его совладельцем… По объекту имелись гарантии московского правительства, а это делало ситуацию беспроигрышной.

Основное оборудование поставляли американцы, они же финансировали строительство и обучение персонала…

Одно из их условий для Павленко – четкое соблюдение графика строительства, и второе (для подтверждения серьезности намерений) – предварительная закупка в Венгрии части оборудования примерно на 300 тысяч долларов.

Условия были приняты. Павленко ждал прилета Шама со дня на день. Они ни разу не виделись. Пять-шесть раз общались по телефону…

Нормальный парень! Ему примерно сорок лет… Двадцать лет назад с родителями уехал из Москвы. Пробился в руководство большой компании.

Настоящий «новый американец»!

Неожиданно от Шама пришел факс:

«Завтра прилетаю в Москву. Меня встретят. Буду у вас в офисе в 16 часов. Везу договор. Желательно финансировать закупку венгерского оборудования в ближайшие два дня».

Встретили Шама по-русски… Переговоры, торжественное подписание, банкет, здравицы в честь российско-американской дружбы.

Два дня Павленко возил Шама по Москве: Арбат, сауна, Кремль, казино, Воробьевы горы, ресторан. На второй день Павленко перевел необходимую сумму на указанный в договоре счет фирмы-посредника по закупке венгерского оборудования.

Проводили Шама на самолет до Питера, где он должен был встретиться со старым другом. А через три дня от него из Бостона пришел факс следующего содержания:

«Господину Павленко. Очень огорчен вашим отсутствием в Москве. Готов к встрече. Договор с нашими изменениями может быть подписан в ближайшие дни. Рад буду лично познакомиться. Илья Шам».

– Ты понимаешь, Игорь, что я ощутил, прочтя этот факс. Я перевел триста тысяч двенадцатого мая, я проводил Шама тринадцатого мая, и вдруг шестнадцатого мая такая фишка – «буду рад познакомиться»… Я попросил предыдущий факс о приезде Ильи Семеновича. Подписи, как близнецы; бланк, выходные данные, даты – все как надо. А в тексте принципиальная нестыковка: если не было Шама в Москве, то с кем я кутил два дня? Если это был не Шам, то кому я переслал деньги?.. Игорек! Я впервые ощутил, что значит, когда «голова раскалывается». Я сидел, поддерживая голову руками, и, когда начал отводить руки, понял, что в каждой руке остается по половине головы… Ну, смейся, смейся.

Павленко зло схватил бутылку, налил себе, но пить не стал, а торопливо, с виноватым видом продолжил:

– Секретарша передала мне текст, не читая… Я сказал ей, что уеду на три-четыре дня, и помчался на Арбат – звонить в Бостон. Хватило же ума не звонить из офиса!.. Шам подтвердил последний факс – он готовился к поездке в Москву, когда вдруг от меня пришло сообщение, что ни меня, ни моих сотрудников не будет до шестнадцатого мая. А сейчас у него некоторые трудности, и он будет готов к переговорам только после двадцать восьмого мая… Я извинился, он извинился. И все – круг замкнулся! Я понял, что для проведения такой операции нужен не просто хороший актер – Лже-Шам, но возможность прослушивать все телефоны, перехватывать факсы, направлять их в Бостон от моего имени… Возможно, они обложили мою квартиру. Возможно, я передвигаюсь по Москве под наружным наблюдением… И я бежал. Я уверен, что кипрского адреса не знает никто… Перед отлетом я заехал в офис и со своего телефона попросил друга прикрыть меня. Он должен сказать жене, что я был у него на даче, а сам я, мол, буду у Маши… Я говорил громко. Они должны были это слышать.

Павленко машинально налил водки только себе и выпил, не чокаясь…

Его было жалко. Он весь обмяк и продолжал говорить вялым и потухшим голосом:

– Позавчера я сидел здесь в «Гроте» один и понял, что без тебя и твоих ребят я не вывернусь… Пока решил все вопросы с твоим прилетом, было уже три часа ночи по Москве. Дальнейшее ты знаешь… И последнее. Если ты готов, я предлагаю тебе организовать совместную детективную фирму. Не охранную, а именно такую – с умными сыщиками, аналитиками, базами данных и все такое… Я финансирую! Я обеспечиваю заказами, а все доходы тебе… Я – первый заказчик. Жду вашего решения, сэр… Ты что молчишь? Ты уже полчаса молчишь.

– Твое дело любопытное…И я не просто молчу, я думаю… Как начну сейчас вопросы задавать – замучаешься. Тебе ведь умные сыщики нужны. Вот я и подбираю умные вопросы.

– Потом с вопросами. Ты скажи сперва – согласен?

– Согласен что?

– Ну, мне помочь и фирму создать, – чуть не закричал Павленко.

– А возможно первое без второго или второе без первого? – терпеливо спросил Игорь.

– Все ты прекрасно понимаешь. Не тяни время, Сова, и нервы мне не трепли.

– Надо бы хоть для приличия подумать. – Савенков выдержал паузу, изображая глубокие раздумья, и решительно продолжил: – Не буду тебя мурыжить. За дело я берусь при достаточном финансировании – надо срочно людей привлекать, техника нужна кое-какая. А с фирмой, боюсь, ты поторопился. Я ведь затребую штаты, ставки, офис, оснащение… Без этого сложно начинать.

– Брось, Игорь! Найду я деньги. – Павленко оживился и заговорил торопливо: – Ты видишь, я триста тысяч фукнул. Я вчера вечером выяснил. Деньги мои пошли в «Будапешт-банк» на счет подставной фирмы с липовыми учредителями. Два дня назад эта фирма ликвидировалась, переправив все деньги на счета в рижских банках. Дальше можно не искать. И денег-то не так жалко! Мне бы этого ложного Шама за задницу взять до того, как он еще мне что-нибудь напакостит. А ты говоришь – деньги. Говори – сколько надо, в разумных, конечно, пределах. Найду. У ребят возьму, в конце концов…

– Сергей, вопросы я подготовлю, но вот тебе первый: если они слушали тебя два-три месяца – в чем опасность, что они узнали такого, чего ты боишься?

– Я думал об этом… Узнали они, конечно, много. Но использовать все это невозможно. Второго Лже-Шама я не допущу, и они это поймут и побоятся соваться. А прямой компры на меня почти нет: не убивал, не воровал, налоги платил, наркотиками не торговал – везде чист.

– Но ты сказал – на тебя почти нет прямого компромата. Почти!

– Ты жену мою, Катерину, знаешь? – настороженно спросил Павленко.

– У тебя пару раз видел, но мельком.

– Я тебе о ней рассказывал?

– То, что ревнивая очень, помню. Ты очень живописно рассказывал про лапшу на ушах.

– Ну а меня ты знаешь?.. Вон даже здесь в соседней комнате топчан. Ты думаешь, гречанки меня только массируют? Кстати, есть большие профессионалки… Одним словом, если у Шама записи моих переговоров за два месяца – мне хоть стреляйся… Лапша – это ягодки. Тут минимум пять объектов, и со всеми я говорил открытым текстом… А у этих бандитов наверняка и адреса моих девиц, и фотографии.

– Лучше бы на тебя серьезная компра была. – Савенков не смог удержаться от ехидного замечания. – А то – план мероприятий по спасению Павленко от ревнивой жены.

– А ты вспомни об этой змеюке, об этом Шаме ложном, – буквально прорычал Павленко. – «Шам ложный» звучит как «Поганка бледная»… Так вот он деньги у меня украл. Ты будешь искать вора. А вор должен сидеть в дерьме! Я сказал?.. Ревнивая Катя – это побочное для тебя. Но главное для меня. Я же с ней двадцать пять лет – и все летит: и жена, и семья, и дети, и квартира, и дача… Дело не в деньгах. Я таких квартир и таких дач могу сейчас пять штук купить. Даже двадцать пять штук. Но это будет другое, без души. А здесь все родное…

Знаешь, какие у меня яблоки в прошлом году были? Вот с эту тарелку… Ну чуть-чуть меньше. А яблоки эти я однолетками сажал. По пояс мне были… И теперь вот этот шум из-за этого Шама… С девицами это у меня так, баловство. Ты верь мне, Сова, – я исправлюсь. Скоро исправлюсь! Нам ведь по пятьдесят будет… через четыре года.

– Давай я один сплаваю на тот островок, – неожиданно предложил Савенков. – Через час вернусь и начну задавать вопросы.

– А я пока поработаю над обедом. Будем тебя удивлять… И мне как, Игорек, массажисток вызвать?

– Только после успешного завершения операции «Сукин Шам».

– Заметано!.. Постой, как ты сказал? «Сукин Шам»? Я теперь уверен в успехе. С таким названием операция не может провалиться… Ты возьми блокнотик, засунь в плавки, на острове будешь вопросы систематизировать.

Глава 2

Последние дни Панин находился в постоянном радостном возбуждении.

Как только Федор Лобачев позвонил ему из Твери и сообщил, что встретил Липкина, и везет артиста в Москву, что спектакль проведен удачно и платежка у него в руках, Панин буквально не мог найти себе места.

Он несколько раз в день выбегал из офиса, бесцельно слонялся по центру Москвы, покупал совершенно ненужные мелочи, спускался в метро, выходил на следующей станции и бродил по арбатским или сретенским переулкам. В голове у него крутилась мелодия из «Неуловимых» – «…и снова копыта, как сердце стучат». Он не мог освободиться от этой назойливой фразы. Он повторял ее сотни раз. Она мешала думать, планировать, просчитывать варианты. Это была самозащита мозга. Он был в напряжении больше года. И сейчас – победа! Первая, маленькая.

Конечно, маленькая! Ему надо в десять-двадцать раз больше. И тогда – бежать из этой мерзкой страны дураков и дорог в колдобинах. Из страны, где не ценят ум, талант, где могут уволить на взлете карьеры.

…В 45 лет он был на генеральской должности. Еще, казалось, полгода, год – и принципиально новая ступень в жизни, новые связи. Но в девяностом он поддержал тех, кто всплывет к власти лишь в девяносто первом. Он поторопился и поплатился. Его уволили с треском, без пенсии, без партбилета, без надежд и перспектив.

Уже почти четыре года ничто не могло унять его злости. Злость на тех и на этих, на страну, на ее законы, на ее дома, дороги, погоду. Уже почти четыре года он с женой и соратником Лобачевым пробивался к цели.

Он не мог назвать Лобачева другом – у него не было друзей вовсе!.. Это был единомышленник, компаньон, преданный соучастник в большом деле… Преданый потому, что цель у них одна и средства ее достижения общие, а любое предательство никому невыгодно. И никогда не будет выгодно. Сейчас они повязаны крепко.

Панин за эти годы три раза был в Европе, и это только подогрело его злость и жажду бегства. Цель определилась: домик в Швейцарии, на юге Франции или в пригороде Лондона. Дом с хорошим оборудованием, пара нормальных машин в гараже, любое европейское гражданство, маленькая фирма с консультациями по российскому рынку и три миллиона в банке, что даст по процентам 2000 долларов в месяц. Можно жить и вообще не работая… Да, и еще – говорить в семье будут на любом языке, кроме русского. Чтобы внуки и не знали, откуда они родом.

Цель была определена год назад, и вот – первая победа!

Идея, как добыть деньги, возникла у всех, можно сказать, троих одновременно. Да и идея-то была проста – более масштабный вариант «Золотого теленка». Находим десяток Корейко, которых сейчас и искать нечего, бери телефонные справочники и вперед… Обкладываем миллионеров со всех сторон спецтехникой, покупаем среди их окружения агентов или просто свидетелей…

Конечно, у каждого из очень богатых граждан есть своя «мумия в сундуке»… Это выражение было личной гордостью Панина, его творческой находкой. Он часто употреблял его и говорил, что это вольный перевод английской фразы – «скелет в шкафу».

Так вот, эта «мумия», хоть малюсенькая, но непременно есть у каждого… Ну у семерых из десяти точно есть, к бабке не ходи!

Далее аккуратно формируем досье – записи, фотографии, свидетельские показания – и продаем хозяину «мумии». Цена – в зависимости от возможностей жертвы, также от размеров и количества «забальзамированных тел».

Идея проста, как правда!

Через месяц родилась фирма «Янус». Для будущих ее сотрудников это было «сверхсекретное подразделение службы контрразведки по борьбе с преступлениями в сфере экономики»… Соучредитель Лобачев за один день достал необходимое оборудование прикрытия: портреты и бюсты «железного Феликса», вымпелы, почетные грамоты, папки личных дел, бланки, старые печати.

Затем в районе Чистых прудов был подобран и оформлен дешевый офис с отдельным выходом. Основное достоинство штаб-квартиры «Януса» – близость к десяткам зданий, где расположились конторы новых русских.

Поиск сундуков с запрятанными в них мумиями начал набирать обороты. И вот первый успех перекрыл все затраты. Но это только начало. Еще не вечер!

* * *

После часовой пробежки по городу Панин влетел в свой кабинет, напевая «И нет нам покоя, гори, но живи…».

За его столом сидел Лобачев с видом победителя:

– Есть, понимаешь, две новости: отличная и хреновая. С какой начинать будем?

– Давай отличную. Со второй, видимо, дольше разбираться.

– Да уж, со второй помучаемся. На тебе отличную новость.

Лобачев театрально развернул лежавший на столе заранее открытый кейс.

– Получите триста тысяч. Через три банка прошли. Абсолютная гарантия. Две фирмы сгорели для страховки.

Лобачев вдруг запнулся, понимая, что деловой доклад сейчас неуместен. Он мешает Панину ликовать, торжествовать. Мешает восторгаться видом тридцати пачек, в каждой из которых было по сто маленьких зеленоватых листочков бумаги.

– Прекрасно, Федор Дмитриевич! Спасибо тебе, дорогой… В старые времена тебе бы награду надо. Давай я тебя в звании повышу или… хочешь именные часы?

– Служу Советскому Союзу!

– Да! Но не Союзу мы служим! И не кому-нибудь еще. Мы с тобой сами себе служим. Нашим детям и внукам служим. Оттого и приятно… Ну, а теперь давай плохую новость. Выкладывай.

– Их даже две. Павленко все еще не появился… Видно, классная баба ему попалась. И засечь его мои ребята не успели… Его бы еще на той даче заснять. А так – ни телефона, ни адреса… Маша какая-то.

– Павленко никуда не убежит, – резко заметил Панин и продолжал, положив руку на кейс с деньгами: – Через три дня его жена прилетает. Завтра он будет в офисе как миленький. А с этой… Одной Машей меньше, одной больше. Без разницы. Сколько у нас документированных эпизодов по нему, шесть-семь?

– С фотками – пять. И с тремя – интимные беседы. Да и по этой Маше запись есть: ты, мол, меня прикрой, а я у Маши на даче буду. И это сойдет… до кучи.

– Но еще-то что? – сухо произнес Панин, придвигая к себе кейс.

– С Липкиным плохо, Володя.

– Заболел, что ли? – пытаясь изобразить в голосе заинтересованность, произнес Панин и еще на несколько сантиметров машинально придвинул деньги к себе.

– Здоров. Вернее, как обычно, в легком актерском подпитии.

– Деньги ты ему передал? Под расписку?

– Это все сделал. Но Липкин поплыл. Артист – это непредсказуемо. Это – душа, совесть, честь.

– Да ты конкретно перескажи.

– Ну, мало, говорит… Десять тысяч баксов ему за один спектакль мало! Если совесть продать, говорит, то за половину всей суммы.

– Половину?! Он что, с дуба рухнул? – взорвался Панин.

– А то, говорит, пойду к Павленко, повинюсь. Он, мол, меня поил-кормил. Хороший он мужик, простит и еще денег подкинет. Для него ведь эта информация очень важна. Вы ведь его так просто не оставите в покое… Сообразительный, гад.

– Стоп! Где Елизавета?

– У себя. Со сводками работает. Там по Айрапетову интересные завязки получаются.

– Зови ее срочно. Потом – Айрапетов! Всё потом. Зови Лизу. С артистом надо срочно решать.

* * *

Лобачев в общении с Елизаветой, женой Панина, чувствовал себя неуютно. Он побаивался ее. Вернее, никак не мог найти верный тон в разговорах с ней.

Эта очаровательная сорокалетняя женщина обладала мужской логикой, строгим характером, расчетливостью, упорством и упрямством…

Она совершенно не реагировала на комплименты, игривые разговоры!

Вернее, реагировала – смотрела на тебя как на идиота… Про себя Лобачев называл ее «синий чулок» или «классная дама». Но эти ее особенности были заметны лишь при обычном, бытовом общении. В делах она была сотоварищ, партнер, совершенно равноправный компаньон.

Они расположились в кабинете и минуту помолчали. Начальника среди них не было. Так договорились – полное равноправие и единогласие в решениях. Но Панин был всегда как бы председательствующим. Он начал спокойно:

– Ты в курсе, Елизавета?

– Да, Федор Дмитриевич мне подробно рассказал.

– Итак, возможные варианты действий: доплатить Артисту в разумных пределах, нейтрализовать его физически или оставить все как есть, прекратив с ним контакты. Что он знает о нас? Федор, давай восстановим картину.

– Познакомил нас Геннадий, телефонист. Оба знают меня как Николая Николаевича. Правда, Геннадий видел меня без грима, а для Липкина я усы клеил, родинку, очки темные…Ну, вы видели. Описать меня трудно, но при встрече узнать можно… Оба они в офисе не были, телефонов не знают, только подставной сотовый… Геннадий, правда, жучки ставил. А я его предупреждал, что зона приема не более ста метров… Он наш офис по трем точкам может определить.

Все объекты, которые прослушивались в «Янусе» располагались в круге со стометровым радиусом. А в центре круга вот этот кабинет… Телефонист знал много точек. Он ставил жучки в конторах Елагиной, Дроздова, Павленко, Айрапетова и других… Проставить всех на карте – и вот он круг! а в центре фирма «Янус».

– Ребята, я предупреждал Телефониста о конспирации неоднократно. Говорил, что его оплата от этого зависит напрямую. Он смекалист… Да и знакомство у них с артистом Липкиным шапочное: две-три встречи в пивной… Нет, не должен он проболтаться.

– Не должен, но мог, – остановила его Елизавета. – Ты-то сам лишнего ничего ему не говорил? Ты же с ним неделю репетировал.

– Нет, конечно!.. Спецподразделение ФСБ, майор Николай Николаевич, и все… Остальное только по Павленко и Шаму… Встречались пять раз на его квартире. Однокомнатная на Плющихе. Легенду отрабатывали, акцент под Шама, подпись. Договор штудировали. Записи

разговоров Шама с Павленко изучали. Вопросы я ему задавал как бы к Шаму. Репетировали. Да вы слышали, как он переговоры проводил. Без сбоев практически. Талант… Но жадный оказался, стерва.

– Предлагаю решение – передать Артисту еще пять тысяч, сказать, что основная часть денег задерживается и по ее приходе его просьба об увеличении гонорара будет рассмотрена и решена в разумных пределах. Будем тянуть время. Телефониста строго предупредить…

Панина прервал телефонный звонок. Он молча выслушал, поблагодарил и положил трубку.

– Галаева позвонила. В 11.20. появился в офисе Павленко… Из интересных звонков – тому же другу, что и перед отъездом с благодарностью за знакомство с Машей. Восхищался ей, ну и мелкие интимные подробности… Вот так, все спокойно! Одной проблемой меньше. Давайте планировать следующие шаги.

* * *

После прилета в Москву Савенков работал как заведенный. Он обзванивал своих друзей, объяснял, назначал встречи, убеждал, уговаривал, соблазнял.

Через три дня у него уже была работающая команда из четырех человек. Он был уверен в каждом. Всех их он видел в сложных ситуациях и знал, кого пять, кого десять лет.

Павленко, как и обещал, щедро финансировал все работы, но «в разумных пределах».

На пятый день команда уже завозила мебель в трехкомнатную квартиру на первом этаже обычного дома. Это недалеко от метро «Беляево». Помещение было выведено из жилого фонда, что позволяло спокойно разместить в квартире офис будущей фирмы.

После солидного задатка и двухчасовых уговоров хозяин квартиры разрешил заселение до оформления документов.

Савенков так и не забрал домой собак. Тесть все понял и с удовольствием согласился «потерпеть» до приезда из Крыма Галины.

Игорь каждый день забегал на пять минут повидаться с собаками, приносил лакомства, подставлял свое лицо под их горячие, нетерпеливые языки. Он убеждал их, что скоро приедет их «мама», приедут Кирилл и Наташа, и они опять будут жить вместе, одной дружной семьей.

Все эти дни «скворчонком стучали в виске» мысли о необходимости и неизбежности разговора с Борисом.

То, что они не будут работать вместе в новой фирме, Игорь понял еще на Кипре. Но нужен был решительный разговор.

Но и связывало их очень многое. Невозможно просто позвонить и сказать: «Больше мы вместе не работаем, дальше выкарабкивайся сам».

В конце концов, надо забрать из офиса свои вещи, некоторые документы, книги.

Игорь не собирался передавать Борису свои связи и перспективные проекты.

Свои связи они и есть – свои!.. Никуда они не денутся, и в любой момент могут пригодиться… А проекты – их пока можно притормозить, заморозить и, если будет такая возможность и необходимость, возобновить в новой фирме… Если будет время.

Первый звонок из нового офиса Савенков сделал Борису. Они договорились на восемь вечера.

…Борис Татаринов встретил Игоря в своей обычной манере, с добродушной, обезоруживающей улыбкой.

– Заждался я тебя, Игорь. Ты как-то быстро уехал. Я и не понял ничего… А у нас тут такие дела начались. Трое реальных заказчиков! И каждый готов сразу аванс выплатить.

Он начал торопливо рассказывать о подробностях, называл фамилии, даты, суммы… Игорь слушал невнимательно. Он вглядывался в глаза Татаринова и размышлял. В этой торопливости, в напряженном прищуре глаз, в напускной веселости чувствовался какой-то второй план, какая-то задняя мысль.

О новом повороте в жизни Савенкова Борис не мог еще узнать. Это не то. Очевидно, он просто готовил очередную ловушку.

В их взаимоотношениях это было уже много раз. Татаринов печально сообщал о своем старом долге. Затем несколько дней ходил удрученный, убитый горем… Потом трагическим голосом сообщал: «Игорь, они ко мне с ножом к горлу. Я готов застрелиться… Ты не знаешь, моей жене выплатят страховку, если я случайно попаду под электричку?»

Каждый день при расставании он просил: «Помоги моей семье, если со мной что-нибудь случится…»

Затем он вдруг приходил веселый, с жаром рассказывал, что нашел выход, что есть человек, готовый вложить деньги в их проект, или дать в долг, или заплатить аванс за немыслимо сложную работу. Игорь без особой настойчивости объяснял, что это опасно, сложно, что они не смогут выполнить эту работу и что эти их обязательства повиснут новым долгом.

В этой ситуации Савенков психологически не мог сказать решительное «Нет!». Это бы означало, что он предает друга, толкает его к самоубийству и что он вообще последняя свинья.

Дальше Татаринов брал деньги, давая при этом любые обязательства и заверения, быстро закрывал свой долг и бежал искать нового «лоха»… А Игорю ничего не оставалось, как выбираться из трясины, в которую он сам не влез бы ни за что.

Похоже, что и сейчас Борис готовит подобную комбинацию.

– …Ты только вдумайся, Игорь. Они готовы завтра нам пятнадцать тысяч передать. И еще сорок пять после завершения… И почти нечего делать. Я основные документы и визы за штуку получу. Конечно, надо будет на самом верху подписать, надо будет попасть в постановление правительства, но все это потом. А сейчас – меня бы эти пятнадцать тысяч просто спасли… Представляешь, эта сволочь, ну тот, у кого я деньги два года назад взял, требует их вернуть… Ребята какие-то от него приходили. Ну, просто с ножом к горлу. Я прямо думал стреляться… Постой, Игорь, да ты меня совсем не слушаешь.

– Верно, не слушаю. Неинтересно мне это. Уже неинтересно.

– Не понял!

– Пора нам с тобой разбежаться в разные стороны. Я собираюсь в другой фирме работать…

– А как же я?

– Ты можешь здесь оставаться. Я вот только вещи сейчас заберу – и живи себе, командуй.

– Но я же не могу один. – Голос Татаринова стал звонким и дрожащим. – Ты прекрасно знаешь, что у меня долги. И в самый трудный для меня момент ты меня бросаешь. Это предательство… Я давно чувствовал, что ты собираешься бежать… Чистеньким хочешь быть?

– Это ты в самую точку попал… Хочу быть чистым, Борис. И многое мне не нравится. Не люблю я обманывать людей… В бизнесе, как в шахматах. Надо стараться переиграть соперника, можно хитрить, делать обманные ходы, скрывать свои планы. Но всё это по правилам… А можно потихоньку фигуру с доски стащить – и в карман. Я в такие игры не играю!

– Значит, я по-твоему вор?!

– Вроде того. Внешние формы только другие.

– Они сами мне давали…

– Давали. А ты их уговаривал, обещал огромные проценты… И всегда знал, что не сможешь вернуть. Должен был знать!.. А это обман, жульничество… Вот ты мне скажи, Борис: имея такие долги, как ты мог отправить дочку на три месяца в Америку, устроить ее в платный и дорогой университет, жене покупать…

– Стой, Савенков! Этого ты не трогай, это ты зря.

– Сам знаю, что зря. Считай, что так, по глупости вырвалось. Давай разводиться цивилизованно.

Пока Игорь собирал вещи, они молчали. И только минут через пять, когда он взял сумки, огляделся последний раз и направился к двери, Татаринов остановил его:

– А что это за фирма, которая новая… Ты в ней главный будешь?

– Да, я буду главный.

– И ты взять меня к себе не хочешь?

– Не хочу… Но мы будем общаться. Мы ведь просто разошлись, а не поссорились… Как устроюсь, дам телефон, адрес. Секретов от тебя нет… Ты только постарайся здесь не провалиться совсем. Не подставляйся… Ну всё, привет!

– До встречи…

После ухода Савенкова Борис долго сидел неподвижно и смотрел в одну точку. Такого он не ожидал.

Мысли путались: «Он меня предал… Он, конечно, много для меня сделал, но и я ему помогал… Он дружбу предал, самое святое… Я-то выкарабкаюсь. Надо многие долги на него перевести. Брал я, но от имени фирмы, а она совместная. Его подписи у меня есть и печати. Такие можно документы составить… Нехорошо это, но это не подлость, это месть. Он первый начал. Теперь я на все имею право… А зачем он жену и дочь вспомнил? Это он зря. Ой, как зря! Это мое, и ты не трогай. А тронул – получай!.. Ты – чистенький, а я – вот такой. Я и мстить умею…»

* * *

– Ну, поворотись-ка, сынку! Давай показывай свои хоромы, новосел. Как ты успел-то за неделю?

Павленко был, как обычно, возбужден и громоподобен. Он, казалось, одновременно занимал все три комнаты этой простенькой квартиры на первом этаже в Беляево. Квартиры, мгновенно превращенной в офис будущей фирмы.

– Разрешите доложить, господин Павленко, о проделанной работе, – шутливо произнес Савенков, изображая робость перед инспекторской проверкой руководства. – Документы на фирму в работе – готовность две недели.

– Ну, и как же нас теперь называть?

– Аналитическое детективное агентство «Сова».

– Как?!

– «Сова».

– Ну, брат, фирма-то у нас общая, а ты только свою школьную кличку использовал. Надо было «Сова-Павлик». Шучу! Нормальное имя для такой фирмы. «Сова» – птица мудрая. И эмблема будет смотреться. И на печать можно будет заделать такую глазастую с ушами… Или это филин с ушами?.. Ну, дальше, дальше докладывай.

– Офис – сам видишь. Временный, но нормально. Завтра подвезут ксероксы, факсы и другую мелочевку. Завтра же Марфин поедет за первым компьютером… Через полчаса всех увидишь. Объявлен первый общий сбор. Всего пять человек. Со мной – пять. Всех знаю лично, всем доверяю. Они готовы работать, но пока я их не посвящал в детали, и о тебе они ничего не знают. Тебе решать, кого подключаем к делу.

– Нет уж, Сова, меня уволь. Кадры – это твое. Тебе работать, тебе и решения принимать. А познакомлюсь со всеми с удовольствием.

– И еще, Сергей, если ты даешь добро, я предложу конкретный план выхода на твоих телефонных бандитов, для краткости «телебанов»… Обсудим со всеми. А для связи – вот тебе сотовый телефон, купленный на нейтральное лицо; кроме того, при необходимости срочной связи буду звонить тебе от имени Афанасия.

– Здорово. Все запомнил. Весь твой шпионский инструктаж.

– А ты что думал? Не в игрушки играем. Твои противники серьезные. И в первую очередь в области связи.

Через двадцать минут все собрались в большой комнате. Председательствовал Савенков.

– Я понимаю, что времени для обдумывания было мало, но раз все пришли – я так понимаю, что отказов нет. Напоминаю еще раз. Плюсы: здоровый коллектив, достойная оплата и интересная работа; минусы: ненормированный день и есть вероятность ущерба для здоровья… Нет отказов?.. Тогда вперед и с песней. Я знаю вас всех, а вы не все друг с другом знакомы. Представляемся. По две минуты каждому. По часовой стрелке. Давай, Илья.

– Ермолов Илья Николаевич, 1952 года рождения, пограничник, полковник запаса, был начальником штаба отряда на Украине, новую присягу принимать не стал. Сейчас живу в Голицыне… Окончил Академию, был в Афганистане, хорошо знаком с агентурной работой. Все, пожалуй.

– Так, все верно. Важное дополнение – есть замечательная жена, двое детей, сын уже пограничник. И еще – есть у него такое трепетное отношение к прежней службе. Одним словом, если он за день не скажет пару раз: «А вот когда я служил на границе…», считайте, что он заболел… Теперь, ты, Олег.

Савенков указал жестом на молодого симпатичного блондина. Тот встал и собрался рассказать о себе, но Игорь Михайлович жестом остановил его.

– Давай, Олег, я о тебе расскажу, а ты поправишь, если надо… Крылов Олег Васильевич, скоро тридцать лет. После Высшей школы семь лет работы в районном отделе. Не глуп, и активен до авантюризма. Любит и знает любую технику. Здоровое чувство юмора, артистичность. Контактен…

– Игорь Михайлович! – Крылов быстро встал и звонко заговорил, изображая смущение. – Вы из меня идеал какой-то делаете. У меня ведь и недостатки есть.

– Есть! Первое: перебивает руководство, второе: инициативен до неуправляемости, третье: исключительно разборчив в поисках жены, а посему до сих пор холост, но помощь друзей в этом деле готов принять. Готов?

– Готов. Но без гарантии реализации предложенных кандидатур.

– Ну, с тобой все ясно. Теперь ты, Михаил.

– Марфин Михаил Викторович. 33 года. В ФСБ вместе с учебой – 15 лет. Ушел недавно. Начали ужимать, сокращать – и я ушел… Программист, аналитик, разработчик специальных систем. Все вроде.

– Очевидно, что не все. Но дальнейшее узнаем по ходу дела. Я только добавлю, что у Михаила огромные связи среди держателей баз данных. И вообще он умница – иногда такие версии выдает, завидно… Теперь вы, Варвара Петровна.

– Я, Галактионова Варвара Петровна. Муж работал в разведке, погиб. Была с ним в двух длительных командировках, семь лет. Индия и Канада. Соответственно, знакома с основами оперативной работы. Знаю компьютер, делопроизводство.

– Молодец, Варвара. Готовый секретарь – референт директора нашей фирмы с периодическим выполнением специальных заданий. Вот такая будет должность… Теперь, друзья, я представляю вам Павленко Сергея Сергеевича – мой школьный друг, совладелец нашей фирмы. Но, главное, наш первый клиент. Приготовьте уши.

И Савенков начал последовательный пересказ истории с Лже-Шамом. Изредка он вставлял очевидные выводы или версии. Извинившись перед Павленко и заявив, что от детектива, как и от врача, у пациента не должно быть секретов, он выдал всю информацию и о ревнивой жене, и о реальных поводах для ревности в руках противника.

– Итак, выводы. Первое: начинаем вести дело «Телефонные бандиты» или «Телебан»… Это я сам придумал!.. Второе: через банковские проводки мы их не возьмем – мы не Интерпол… Третье: искать жучки и устроить шум можно, но не нужно. Мы пока не знаем, кто и как слушает. Спугнем противника и всё дело загубим… Однако, начинать надо с телефонного узла. Олег – это за тобой. Работать аккуратно…

– Все понятно, Игорь Михайлович. Сделаю как в аптеке.

– Теперь четвертое… Мы не можем ждать их следующего хода. Надо заставить этот «Телебан» играть по нашим правилам… Через три дня назначено проведение операции «Мышеловка».

– Игорь Михайлович, название операции тоже вы придумали?

– Да нет, Олег! Это Шекспир придумал в «Гамлете»… Ты не читал, неуч?.. А теперь серьезно: записывайте задания.

* * *

Лобачев медленно, вальсирующей походкой буквально вплыл в кабинет Панина, держа над головой несколько «сводок перехвата».

– Танцуй, Владимир Викторович! Я такое тебе письмецо принес – будешь доволен… Сам будешь читать или мне пересказать?

– Рассказывай. Так быстрее будет.

– Верно. Для нас сейчас – «время-деньги»… Так вот, уже три дня Павленко в Москве, и все тихо. Вчера проскочила его фраза: «Что-то Шам молчит, надо ему позвонить»… То есть – Павленко поверил в наш спектакль!.. Теперь самое важное! Сегодня «Пауку» звонил некто Ковалев. Он должен получить от Павленко крупную сумму долларов.

Панин насторожился и привстал… А Лобачев продолжал.

– Я уверен, что речь об очень крупной сумме… Они в разговоре конспирируются, но меня не проведешь!.. Читаю несколько фраз… Павленко: «Давай встретимся завтра в девять»… Ковалев: «Я только к десяти смогу быть в Москве. А в полдень улетаю. Но вопрос надо решить»… Павленко: «Надо – решим… Ключи у тебя от Якиманки есть! Завтра я там буду в девять и оставлю кейс. Спрячу за трюмо, рядом с водяным матрацем. Он еще твоей Ирине понравился. Или Марине»… Ковалев: «Галине!.. Ты не отвлекайся… Там все двести тридцать будут? Я пересчитывать не буду»… Павленко: «Не в игрушки играем!.. Документы по особняку оставь там же»…

Панин совсем встал и, глупо улыбаясь, потирал руки… А Лобачев демонстративно отложил документы и после небольшой паузы обратился к Панину. Его голос звучал победоносно и многозначительно:

– Все понял? Двести тридцать… Понятно, что не рублей и не долларов… А двести тридцать тысяч долларов…

– А может быть и евро!..

– Может быть!.. И это богатство целый час будет одно в пустой квартире… И где? За каким-то дурацким трюмо!..

Панин вышел из-за стола и начал быстро ходить по кабинету… Он уже точно знал, что не упустит этот куш… Деньги не такие большие, но и не маленькие. А курочка по зернышку клюет.

– Отлично получается!.. Мы же эту квартиру на Якиманке знаем!.. «Паук» ее два месяца назад засветил. Так, Федор?

– Так!.. И ключи от нее у нас есть. Спасибо «слесарю»… И жучок Геннадий в нужное место встроил. Камера точно напротив кровати стоит… Вот смотри!

Лобачев торопливо стал раскладывать перед Паниным десятки фотографий.

– Да на что мне эта порнуха?..

– Ты не на задницы смотри. Трюмо видишь?.. Все под контролем! Мы даже заходить предварительно не будем. Там стройка сейчас напротив. Мы за забором в автобусе встанем и будем смотреть.

– Так-то оно так… Но возможна засада.

– Теоретически возможна…

– Слишком все гладко, все в нашу пользу… Интуиция мне говорит, что так не может быть, а где подвох – не пойму.

– А первые триста тысяч у тебя в сейфе лежат?.. И что тогда твоя интуиция говорила? То же самое!.. Так вот ты открой сейф, пощупай деньги – зелененькие, на ощупь ой как хороши! И вот тогда и своей интуиции, что она дура.

– Зря ты так, Федор… Возможно, что это излишняя осторожность, но жить-то хочется… Давай решать так – ни ты, ни я в квартиру входить не будем. Нужен кто-то еще. Тот, кто не может нас выдать… Геннадий тоже не подходит…

– А если Артист? Точно, Володя! Всё получится – мы ему хорошо заплатим. А провалится… Вот тогда и будем думать.

– Федор, ты прав!.. Кто не рискует, тот не живет в Швейцарии… Звони Артисту, договаривайся о встрече…

* * *

Отрабатывая свою часть плана, Павленко ровно в девять подъехал к дому на Якиманке, быстро поднялся на третий этаж, прошел в квартиру, уложил за трюмо кейс, в котором находилось ровно 230 упаковок импортного аспирина. Затем он с мечтательной улыбкой потрепал водяной матрац на кровати и умчался в сторону Внукова.

Савенков с ребятами уже полтора часа общался с очаровательной старушкой из квартиры напротив. Мария Васильевна, уверенная, что помогает знаменитому МУРу, шепотом высказывала восхищение победителям «черной кошки».

– Жеглов – он прав. Вот не подбросил бы он кошелек Кирпичу – и никого бы они не словили. И Шарапов по правилам бы ничего не сделал. И «черная кошка» еще бы детей и стариков поубивала. Нет, с бандюгами должна быть игра без правил… А мы сегодня не карманников задерживать будем?

– Нет, Мария Васильевна, – улыбнулся Савенков, – карманники для нас мелковаты.

– Ну, а стрельбы не ожидается? – озабоченно, но без страха осведомилась старушка.

– Мы их аккуратно возьмем. Тихо… Есть опыт.

– Да я вижу, вы, ребята, в возрасте. Это молодые могут: Ура! Вперед! А их – хлоп гранатой, и разбирайся потом… А дверь мне могут попортить?

– Это не бандиты, Мария Васильевна, – успокоил ее Игорь Михайлович – они жулики. Конечно, крупные жулики, но не террористы.

– Я их главного-то часто видела, но все со спины. Толстый такой, огромный. И все с разными девицами приходил… А в марте, помню, так сразу с двумя дамочками. И обе в шубах мохнатых… Это он женщин, что ли, облапошивает?

– И их тоже, – рассмеялся Савенков, понимая, что Мария Васильевна говорит о Павленко. – Активный он очень.

– Активный!.. И богатый, наверное?

– Очень богатый, – подтвердил Игорь Михайлович, стараясь быть серьезным. – Наворовал, гад.

– Вот богатый, а скупой, – вдруг вспомнила старушка. – Замок себе хороший не мог поставить. Месяц назад замок у него сломался. Я с мусором выхожу – слесарь у двери возится. Я спрашиваю: «Что, мол, тут?», а он говорит: «Хозяин позвонил, замок у него паршивый, барахлит». Я про оплату спросила, а он говорит: «Десятку обещал, скуповат хозяин». Вот я и думаю: богатые – они всегда скупые…

– А знакомый слесарь, Марья Васильевна?

– Нет. Не наш – я их всех знаю. Этот такой лысоватый, в очках и нос с горбинкой. Не грузин, а так, нос вроде ударенный. И не на слесаря, а на инженера он похож… Я еще подумала: время-то какое, сколько инженеров в слесаря подалось… И стекла у него в очках толстые. Читал, значит, много… И глаза в этих стеклах большие и умные. А у слесарей всегда пустые и пьяные.

В этот момент, дежуривший у дверного глазка Олег взмахнул рукой, и затем поднял указательный палец. Один! Одновременно из кухни подошел Илья и, сняв наушники, прошептал:

– Варвара передает – «Один-ноль».

Это значит, что в подъезд вошел один человек и больше никого на улице из его команды не обнаружено. Савенков взглянул на часы. Через тридцать секунд они выйдут на площадку, через сорок – будут в квартире Павленко. Времени нет – спросить Сергея, вызывал ли он слесаря… А если это «Телебан» был, да еще с жучками?

– Мария Васильевна – быстро на кухню! – решительно произнес Савенков. – В квартире всем молчать. В ванну его, голубчика, и разговаривать шепотом… Вперед, ребята!

Через десять секунд они уже стояли в коридоре напротив друг друга: ошарашенный, испуганный актер Липкин и три богатыря, приложившие пальцы к губам. Мол, тихо, брат.

Липкин, слава Богу, все понял… По жесту Савенкова он на цыпочках прошел в огромный совмещенный санузел. Илья поставил Липкина к стене, быстро надел на него наручники и начал снимать отпечатки пальцев. Олег сделал пять-шесть фотоснимков и врубил видеокамеру. Савенков поднес диктофон к губам Липкина и тихо начал допрос:

– Говорить негромко, но внятно. Фамилия, адрес, где работаешь?

– Липкин я, актер, Аркадий Маркович, живу на Сретенке, в переулке… Театр новый. Студия Ерофеева. Играю я там.

– Адрес?

– Паспорт в кармане… Не могу сразу адрес вспомнить.

– Идешь на дело – и с паспортом, – презрительно усмехнулся Илья. – Непрофессионально.

– Я не на дело. Меня попросили взять это… Это его квартира, Николая Николаевича. Он вот и ключи дал, и объяснил, где спрятано.

– Да нет, брат. И квартира не его. И дела серьезные. И убийства, и жульничество крупное… На вышку тянет. Повесим все на тебя!.. Живо давай адреса и телефоны сообщников. – Савенков произнес все это угрожающей скороговоркой.

– Какая вышка?! – Липкин забылся и взвизгнул. – Не надо вышки. Я актер!.. Я служитель Мельпомены. Я… Не давал он мне адреса… Нас вообще-то Геннадий познакомил, телефонист. Но его телефон я тоже не знаю. Мы с ним часто на Сухаревке в «Чебуречной» встречаемся… А Николай Николаевич сам мне звонил. – Липкин вдруг что-то вспомнил, облегченно вздохнул и выдавил из себя: – Я его сотовый знаю. В паспорте записка.

– Приметы Николая, быстро. – В азарте Савенков так резко взмахнул диктофоном, что Липкин вздрогнул, прижался к стене и закрыл глаза.

– Он черный такой, как кавказец. Усы пышные, черные. Очки темные, родинка большая на правой щеке. Около сорока пяти… Усы, похоже, наклеены. Я актер – плохой грим вижу… И заикается он ненатурально. Не верю!.. Он меня ждет сейчас у дома на набережной.

– Значит, так, – уже почти доброжелательно прошептал Савенков. – Спокойно идешь на встречу с Николаем… Спокойно! Не оглядываясь. Мы всегда будем рядом… Поможешь – очень тебе зачтется!.. Сними с него наручники, Олег, и выходи первым. Через минуту – Липкин. Затем – Илья. Я последним – и в машину… Вперед, орлы!

* * *

Неприметный уазик военного образца уже час стоял в тени старого покосившегося забора. Панину пришлось разместиться на полу в глубине машины. Одной рукой он все время поправлял настройку маленького телевизора, другой – поддерживал наушник.

Лобачев сидел за рулем и томительно ждал, вглядываясь в подъезд дома, куда недавно вошел Липкин.

– Семь минут уже. Семь, Володя, как он из комнаты вышел. Может, кейс вскрывает, гад… Ну, он у меня доиграется, Качалов! Хорошо, что второго выхода из подъезда нет. Тихо там?

– Все спокойно. И делал он все четко. Вошел, сразу нашел… Через две-три минуты должен был быть внизу, а тут почти восемь минут.

– Да на кухне он, в кейсе копается. А может, в туалет заскочил. Знаешь, медвежья болезнь бывает, от страха. Мы тут мандражируем, а он на унитазе прохлаждается.

В этот момент из подъезда появился полупьяный лохматый парень с синяком, в косо застегнутой рубашке и стоптанных кроссовках. Он проковылял метров десять сначала направо, постоял немного в глубоком раздумье и поплелся в сторону «Ударника».

Секунд через двадцать появился Липкин. Он шел на ватных ногах (что вполне естественно), понуро смотрел себе под ноги и крепко держал кейс.

– Порядок, Володя. Сейчас мы его проводим. – Лобачев рванул машину по боковым переулкам. – Вот он, по Малому Каменному идет к «Ударнику», а мы его обгоним под мостом и налево. Вот он, бесценный наш.

Лобачев остановил машину, видя, что Липкин стоит в пятидесяти метрах от него. Стоит перед входом во двор дома на Набережной. Именно там, в глубине двора, в одном из подъездов должна была произойти их встреча.

Липкин вдруг выпрямился, взглянул на мост и перед мощным потоком машин стрелой бросился на другую сторону… Он взмахнул рукой, и через две секунды перед ним остановился старенький желтый «Жигуль».

А еще через пять секунд желтая развалюха с Липкиным и кейсом затерялась в потоке машин у Кремля… Догнать – и думать нечего!

Противники находились в ста метрах друг от друга, но не знали об этом. Первые несколько минут после неожиданного бегства Липкина обе группы были в состоянии, близком к шоку: для одних – потеря единственного свидетеля, для других – потеря крупной суммы и реальная перспектива провала.

Если бы не эта растерянность, Лобачев наверняка смог заметить на дороге, на уровне касс «Ударника», трех крепких мужчин, в числе которых был парень, вышедший минут пятнадцать назад из подъезда. Он уже не сутулился и не делал невнятных движений. Более того – он успел нормально застегнуть рубашку и вытер синяк под левым глазом.

Но Лобачев был не в состоянии наблюдать и спокойно оценивать обстановку. Он медленно повернулся к Панину, притаившемуся в глубине машины с зашторенными окнами:

– Поехали, Володя. Устал я. Страшного ничего не произошло. В офисе спокойно разберемся.

Практически одновременно к группе Савенкова подкатила Варвара на светлой «Волге», они вскочили в машину и быстро направились в сторону Калужского шоссе.

Там, на десятом километре, в маленькой дачке, их ждал Павленко. Вероятно, готовил победный банкет и волновался. Савенков включил сотовый телефон и набрал номер Павленко:

– Сергей! Едем. Будем минут через сорок. Ставь шашлыки.

– С этим все в порядке… Как у вас?!

– Средне. Хуже, чем хотелось, но значительно лучше, чем могло бы быть… Плохо, но есть положительные моменты. Подробности при встрече.

В машине все молчали. Лишь изредка Олег, ответственный за контрнаблюдение, просил Варвару притормозить, заехать во внутренний двор или увеличить скорость до 120.

Наиболее разговорчивым оказался Илья. Он каждые пять минут выдавал реплики, обращенные в никуда:

– Ну, надо же так опростоволоситься…

– Понятно, первый блин комом…

– Ни в театр, ни домой он не поедет, не дурак…

– Да найдем мы его… Вот только кто раньше: мы или они…

С Ильей никто не спорил. Во-первых, все правильно, а во-вторых, просто не хотелось говорить.

Павленко встретил с пониманием, не торопился с расспросами.

Первым делом он представил солидного мужчину, который вслед из Павленко вышел из дома.

– Это Филатов Николай Васильевич, мой заместитель… Отличный мужик, пробивной! Зубр, а не человек… Я ему, Игорь, все детали рассказал. Не возражаешь?

– Нет, конечно. Будем рады любой помощи! Дело-то общее. Ведь так, Николай Васильевич?

– Дело весьма сложное. Но нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики! Прорвемся. Не такие задачи решали… Вы, ребята, располагайтесь на веранде. Я завершу с шашлыками, и через десять минут начнем совещание. Мы очень ждем вашей информации. Не терпится узнать подробности.

После пяти минут аппетитного поедания шашлыков Павленко не выдержал:

– Все, перерыв!.. Не жрать же мы сюда приехали! Вы убедились, что мы с Николаем терпеливы. Но всему же есть граница… Рассказывай, Игорь.

– Ты прав, Павленко. Я немного затянул… Но виноват автор шашлыков. – Савенков смущенно улыбнулся. – Оторваться от них невозможно… Так вот что у нас произошло…

Рассказ Савенкова длился всего пять-семь минут, так как основная информация была на диктофоне и в видеокамере.

Первые же кадры с Липкиным заставила Павленко вскочить. Он быстро двигался по веранде и, размахивая руками, кричал, переходя с победных на пораженческие интонации:

– Он!.. Это Шам ложный. Артист!.. Нет, но как ловко? Вы сразу на главного вышли. Молодцы! И паспорт его в руках… Он! Бесспорно… Ах ты Липкин… Нашли и упустили. Такую щуку упустили.! Да он сейчас год под корягой сидеть будет и мои денежки пропивать.

– Пропивать и аспирином закусывать, – подтвердил Николай Васильевич. – Двести тридцать пачек отборного аспирина упустили. Да у этого Артиста три года голова болеть не будет… Может, он и правда наемный актер. Наняли, отыграл свое, и знать ничего не знает. Он ведь говорил, что заказчик его гримировался… А вот телефонист, тот может знать больше…

Николай Васильевич медленно раскрыл свой сотовый телефон, нажал одну кнопку и через три секунды оживился:

– Светлана Игоревна! Приветствую!.. Вспомни, Света. Два месяца назад к нам телефонист приходил. Ты еще с ним любезничала по углам… Его не Геннадием случайно звали?..

Савенков бросился через стол, сметая шампуры и роняя бутылки. Он вырвал из рук опешившего старика телефон и захлопнул крышку.

После небольшой паузы он совершенно спокойно сказал:

– Это была ошибка, Николай Васильевич. Как я понимаю, вы звонили в офис?

– Да, главному бухгалтеру.

– Телефоны прослушиваются, это очевидно. Правда, мы не знаем, какие… До сих пор противник мог считать, что Липкин просто убежал с деньгами. Теперь он знает, что мы выпотрошили Артиста. Они знают, что мы знаем о телефонисте Гене…

Савенков протянул Павленко телефон.

– Сергей, постарайся смягчить ситуацию. Вызови куда-нибудь эту Светлану Игоревну.

Павленко еще раз набрал номер и заговорил глупым игривым голосом:

– Светлана! Это я… Мы тут с Николаем Васильевичем отмечаем одну годовщину. Он тебе сейчас звонил, да что-то прервалось… Он задумал в квартире второй номер ставить и хитрую разводку, чтобы и в туалетах висел телефон. Удобно-то как!.. Вот он думал, что тот парень поможет… Ну да Бог с ним – другого найдет… Ты вот что. Мне надо по одному банковскому вопросу посоветоваться, а в офис я не успеваю. Ты бери такси и ровно через час будь около того ресторана, где я тебя креветками кормил… Исключительно деловая встреча. Посоветоваться по работе с «Дойче-банком»… До встречи.

Савенков с удовольствием потирал руки. Ему понравился разговор:

– Молодец, Сергей! Сделал все, что можно. Сейчас летите с Олегом в этот ресторан с креветками. Где это?

– Да это на Ленинском, это «Гавана». Я специально не называл точно. – Павленко сделал многозначительную паузу и гордо посмотрел на всех. – Учусь сыскному делу.

– Очень талантливый ученик, – торопливо похвалил его Савенков и приступил к инструктажу. – Олег, быстро переоденься: в ресторан едешь, а вид у тебя растрепанный, забулдыга какой-то… Игорь, за тобой Липкин! Давай по его адресу и в театр. С артистками покалякай, легенду сочини располагающую: друг, мол, паспорт у меня оставил, найти его не могу… А у нас с Варварой другие дела. Ну, до связи. И звонить в Беляево при первой возможности.

Глава 3

Панин в третий раз перечитал последнюю сводку по «Пауку». Уточнил время – звонок был полчаса назад. Он взглянул на Лобачева и, пытаясь быть спокойным, начал рассуждать:

– Ну, ничего страшного. Ставит себе человек новый телефон… Вспомнил о телефонисте и спросил Светлану… Кстати, у них что там, любовь была?

– Я свечку не держал и не расспрашивал.

Лобачев вытянулся в кресле и, разглядывая потолок, продолжил томным голосом:

– Но сам пойми. Геннадий жучки и ночью ставил. Благо, у них нет круглосуточной охраны. А у Светланы ключи от офиса… Он ее заранее окучивал – ласковые слова, ночные прогулки по бульвару рядом с офисом. А тут вдруг дождь. Гена использовал ситуацию. Ах, говорит, давайте переждем у вас. Ах, Светлана, а в соседнем кабинете диван помягче… Вот он и расставил жучки везде… Теперь их снимать надо. И с Геннадием надо что-то решать.

– Давай пригласим Елизавету и все обсудим.

– Времени нет обсуждать, – решительно возразил Лобачев. – И не вмешивай жену в такие дела. Не женские пойдут разговоры… Если Геннадия найдут, молчать он не будет… Надо бы помочь ему, Володя, замолчать… Навсегда.

– Я не сторонник таких методов, но ты прав… Ты сам Ивану звони. Он, конечно, душегуб, но и такие нужны… Противно всё это! Я всегда говорил, что бизнес не для интеллигентных людей.

* * *

Через час Лобачев в усах и чужом мешковатом плаще вышел с Геннадием из узла связи…

Вообще-то телефонист по паспорту был Ефимом. Но Лобачев, как опытный конспиратор, при вербовке предложил парню псевдоним… И правильно! Даже если сейчас «Паук» найдет у себя жучки, даже если поймут, что их поставил телефонист, который крутил любовь со Светланой. И что?.. Будут на телефонном узле искать какого-то «Геннадия»… Нет, потом они найдут и Ефима, но на этом потеряют сутки. А сейчас время – деньги!.. И даже дороже денег…

Гена был доволен работой, возбужден и словоохотлив:

– Это вы здорово! Я вас с усами и не узнал. И сейчас вот – то ли вы, а вроде – нет.

– Как сработал?

– А не умею я плохо, – гордо произнес Геннадий. – Ставить сложнее было. А тут – откусил, в стороны развел, запутал все, что ни один черт не разберет. Жалко, четырнадцать точек снял.

– Никого не забыл?

– Обижаешь, начальник. Все по списку. Как ставил, так и снимал. Последовательно.

– Список у тебя? Давай.

– Берите. Зашифрованный он. Без меня никто не разберет. Конспирацию понимаем.

– Дома никаких записей нет?

– Да что я, враг себе, что ли… Не бойтесь. Работаю на совесть. За такую работу премия бы полагалась.

– Будет премия. Вечером позвоню, и встретимся. Большую премию получишь.

В десяти метрах за ними шел немолодой, сутулый человек. Залысины и сильные очки делали его похожим на инженера или бухгалтера. Но одет он был, как слесарь: в потертом рабочем халате, с большой сумкой, из которой торчал огромный разводной гаечный ключ.

* * *

Лобачев успел на «офицерское собрание». Он протиснулся к столу Панина, который готов был уже начать.

Девять человек с трудом разместились в маленьком кабинете. Панин говорил красиво, долго, восторженно. Он любил публичные выступления. Вначале о великих целях, о демократии, свободе, рыночной экономике. Потом о важности работы сотрудников, которые содействуют возрождению России, которые противодействуют злым планам по разоружению ее экономики.

«Наши враги, против которых мы с вами активно работаем, как колорадские жуки подтачивают молодые ростки будущей России. Великой России! И наша задача…»

Молодец Панин! Красиво говорит! Понятно, что это словоблудие, но красиво…

Лобачев вспомнил десятки выступлений Панина на партсобраниях, торжественных сборах 20 декабря или 9 мая. Очень похоже… Сейчас он ловко заменил десяток понятий и выражений. Нет слов о партии, коммунистах-чекистах, империалистических разведках… Появились: демократия, возрождение, рынок, наш президент. Та же тактика, та же логика, та же пустота. Через полчаса Панин перешел к более конкретным вопросам:

– Лето. Деловая активность затихает, наши объекты скоро стайками потянутся на Канары…. Одним словом, мы сможем несколько досрочно отпустить вас в отпуск. И с путевками решим. Возможно, на полтора-два месяца… В понедельник решим… Надеюсь, это приятная новость?.. Далее о конспирации. У меня есть данные, что противник будет пытаться подобрать к нам ключи. Поэтому, выходя за эти стены, вы должны забыть все. Вас могут провоцировать, покупать, соблазнять, наконец. Ни слова, ни намека!.. Ни мужу, ни брату, ни другу. Всё строго по легенде… Мне вчера генерал благодарность высказал. И я вам эту благодарность передаю, а фамилию нашего начальника даже не скажу. Не надо вам знать лишнего! Меньше знаешь – дольше живешь.

«Это он зря, – подумал Лобачев, – мрачновато и угрожающе получилось».

– Разрешите мне? – Лобачев решил разрядить обстановку. – Я полностью поддерживаю слова Владимира Викторовича. Наша служба действительно и опасна, и трудна. Но она опасна – только если не соблюдать конспирацию. А так, со стороны, мы мирные люди, научный центр, экономические прогнозы, исследование мировых рынков, маркетинг. Руководство ваше бумаги умные пишет, а вы их печатаете, перепечатываете. Галиматью всякую… И все! И точка!.. Вот такая железная легенда, кто бы ни спросил… Понятно?

Первой подняла руку Галаева:

– А если меня, к примеру, президент спросит или председатель?

– Не спросит, Раиса Павловна. – Панин улыбается по-отечески. – Он меня сначала спросит, а я разрешу ему обратиться к вам. Так что только через мой… Всё только через меня… Это шутка была?.. Есть серьезные вопросы?

– Разрешите, Владимир Викторович. – Это поднялась Савельева. – А будут путевки в наши санатории? Я в детстве была в «Пограничнике» в Гаграх, затем в Сочи и в Крыму, в Ливадии – у нас там был отличный санаторий.

– Эх, Елена Юрьевна, дорогая вы моя. Вы как… до перестройки. Хоть политинформацию вам устраивай… Гагры, дорогая моя, давно уже накрылись… Крым – это же теперь заграница… Сочи – это пока наша земля. Там есть наш санаторий, но нам туда нельзя.

– И в клуб Дзержинского нам нельзя?

– Правильно, и в клуб нельзя. По той же причине нельзя… Мы сверхсекретное подразделение специальных служб… Мы солдаты невидимого фронта!

– Если больше серьезных вопросов нет – тогда расходимся.

* * *

Раиса Павловна с трудом втиснулась в электричку. Пятница – все на дачу, а она домой, в Химки.

Несмотря на предупреждение, мысли о работе не покидали ее за стенами офиса… Странно все это.

Конспирация – это понятно. Но внутри любой секретной структуры есть более высокое руководство. Есть кадровики, финансисты, смежники, проверка секретного делопроизводства, в конце концов… Где они все? Полная изоляция… Странно все это!

И информацию они берут… мелковатую. Не на уровне государственной безопасности. Эти любовницы Павленко, или голубые похождения руководителя турбюро, или пьянку у Елагиной… Нет, для милиции там есть зацепки: мелкие взятки, аморалка, организация поджога… Но чтоб ФСБ такой мелочью занималось! Странно все это!

* * *

Ресторан был практически пуст, и они быстро нашли свободный столик в углу. Здесь можно было разговаривать в полный голос, не опасаясь чужих ушей.

Им быстро принесли какие-то экзотические салаты, ликер и кофе. После первых тостов за знакомство и легкого трепа об инфляции, Олег поменял тон. Он отстранил Павленко и взял инициативу на себя.

– Светлана Игоревна! Я сейчас скажу нечто важное, а Сергей Сергеевич подтвердит.

Олег многозначительно посмотрел на Павленко.

– Да-да, Света! Это очень важно, – торопливым шепотом подтвердил Сергей Сергеевич.

– Так вот, произошло событие, бросающее тень на вашу фирму… Вы недавно работаете в фирме «Ника»?

– Около года…

– И уходить не собираетесь?

– Нет, что вы. – Светлана испуганно взглянула на Павленко. – У меня не было лучшей работы. Я одинока, вы, наверное, знаете… Для меня все в этой фирме.

– Ну, о вашем возрасте мы потом поговорим… – игриво улыбаясь, произнес Олег. – Вам тридцать пять?

– Тридцать девять.

– Почти ровесники… Так вот, Светлана, я – сыщик. Я помогаю Сергею Сергеевичу и вам… Я ваш друг.

Олег говорил медленно, вкрадчиво и монотонно, как гипнотизер.

– Поймите, Светлана. Я должен помочь вам и фирме «Ника»… Надо помочь, пока ваша серьезная ситуация не переросла в критическую… Я вот что думаю, Сергей Сергеевич! Я сейчас буду задавать Светлане очень откровенные вопросы и боюсь, что она будет вас стесняться.

– Да, и у меня дела, – заторопился вдруг Павленко. – Я прошу, Света, говори все как есть, все детали. Иначе все может полететь к черту!.. Олег, я буду ждать вас у Игоря. Привет вам, ребята.

После ухода Павленко Олег начал говорить в форме допроса. Доброжелательного, но допроса:

– Когда произошла ваша первая встреча с телефонистом Геннадием.

– Около двух месяцев назад. У меня испортился телефон. Он пришел с узла связи, долго чинил… Мы разговорились. Я была одна в кабинете… Он тоже одинок. Но моложе меня. –

Светлана смущенно потупилась, но продолжила: – Ему только тридцать два. Он предложил вечером встретиться – я пошла.

– Когда вы последний раз его видели?

– Вчера… я была у него дома.

– Адрес?!

– Я только … визуально знаю. Это в переулках, на Сретенке.

Олег выхватил из кармана сотовый телефон и набрал номер:

– Игорь Михайлович! Это Олег. К вам поехал Сергей Сергеевич, а мне нужна срочно машина. Очень!.. Отлично. Жду Варвару через двадцать пять минут.

Олег спрятал телефон и внимательно поглядел на Светлану:

– Сейчас мы к нему поедем… Он в опасности.

– Давайте на узел позвоним. Я, правда, не знаю телефон. Но можно узнать, найдут монтера Геннадия… Предупредить.

– Нет на этом узле монтера Геннадия, – проговорил Олег с расстановкой. – Нету! Кто угодно есть, а Гены нет. И начальник там Роман Дмитриевич. Из сорока шести мужиков на узле – ни одного Геннадия… Он часто в офисе бывал?

– Два раза… Еще у секретаря что-то сломалось, но давно.

– Я не об этом. Не по работе. Вечером… Когда никого не было.

Светлана Игоревна молчала минуту, потом вскинула голову, посмотрела на Олега большими, полными слез глазами и твердым голосом сказала:

– Был!.. Он у меня был шесть раз.

– Он был во всех кабинетах?

– Да.

– Он оставался один в кабинете?

– Да… ненадолго. В первый раз мы много смеялись. Он очень веселый. Он хороший, вы просто не знаете… И он предложил играть в прятки.

– Во что?!

– Это шутка, конечно…

– Понятно, Света… Он уходил в какой-то кабинет и долго прятался.

– Да! А потом я его искала, а он говорил «горячо» или «холодно». Обычная игра!.. Мне просто казалось, что ему интересно, как я ищу, нагибаюсь, залезаю на диван. Он все время подходил сзади, обнимал… Обычная любовная игра.

– А потом?

– А потом пошли другие игры… Он любил разнообразие, так что мы были с ним во всех кабинетах… Ну и мне приходилось отходить. Сами понимаете… Он что, украл что-нибудь?

– Да нет, здесь сложнее. Поехали, время!

– Олег, меня уволят?

– Вот уж нет. Я все сделаю, чтоб так не было. Вы-то здесь при чем? Нарвались на симпатичного гада… Правда, в офис его таскать незачем… Поехали!

* * *

За сто метров от дома Олег увидел толпу вокруг милицейского газика и машины «скорой помощи». Он быстро припарковал машину и скомандовал Светлане:

– Сидеть на месте. Тихо, не двигаться.

Он неторопливо пошел к толпе. С видом рядового зеваки потолкался пять минут и услышал из уст местных старожилов то, что и ожидал услышать:

– Уж среди бела дня убивать стали…

– И быстро как. Я час как из дома ушла, а возвращаюсь – лежит бедолага, и кровища вокруг.

– Мафия это все…

– Какая, на хрен, мафия. Я этого парня с мальства знаю. С отцом его, Белкиным Иваном, сколько раз пили. Алкаш он был, беспробудно пил. А сын, значит, работящий – монтер был, телефонист. Его, верно, Ефимом звали. Иван, помню, все: «Фимка, ко мне, сбегай, мол, сын за бутылкой…» Отбегался, царство ему…

– Да, сын не пил, он все больше по бабам. И здесь, выходит, отбегался… Всему конец приходит.

Олег понял, что новую информацию он вряд ли получит, и направился к машине. Сев за руль и не заводя мотор, он помолчал с минуту и, не глядя на Светлану, произнес:

– Ефимом звали вашего Геннадия. Больше он в прятки играть не будет. Отмучился… Вы домой поезжайте! Решаем, что вы заболели… Павленко я скажу все, как надо! Не беспокойтесь… Мне на Юго-Запад.

– Мне в Медведково… Я все поняла. Спасибо вам, Олег… А Гену что, совсем убили?.. То есть, Ефима?

* * *

Когда в офис «Совы» в Беляево приехал Олег, Павленко был еще там. Он заперся в маленькой комнате и работал. Война войной, а текущие дела не ждали. Он что-то писал, много звонил, ругался со своими прорабами, назначал встречи на объектах.

Олег еще с дороги сообщил, что у него важная информация, и его ждали. Они собрались втроем. Другие сотрудники «Совы» работали по своим заданиям: Илья искал Актера, а Марфин договаривался о закупке различных баз данных для своего нового мощного компьютера, Варя возилась на кухне.

Доклад Олега оказался коротким сообщением о том, что у Светланы Игоревны удалось узнать адрес телефониста Геннадия. Этот герой-любовник имел возможность установить сколько угодно жучков в любом кабинете «Ники».

Но главное, что бедный Гена убит два часа назад. На самом деле он оказался Белкиным Ефимом Ивановичем…

На узле связи Олег дополнительно узнал, что Белкин три-четыре часа назад работал в технических залах узла и что на выходе, в холле, его ждал невзрачный усатый человек в мешковатом плаще, темных очках и шляпе.

Олег закончил на высокой ноте с элементом самокритики: «Мы опоздали на полчаса!.. Могли бы спасти этого прохвоста. Могли бы столкнуться в подъезде с убийцей и задержать.»

Все сидели мрачные. Информация принципиально меняла ситуацию.

Савенков начал рассуждать:

– Ну сегодня и денек: утром мышеловки, днем шашлык, вечером убийство… То, что звонок Николая Васильевича подтолкнул это убийство, очевидно. Ты только, Сергей, старику об этом не говори… Впрочем, и сам узнает и догадается. Он старик, но не дурак… Я думаю, что Телефонист сегодня размонтировал все опасные связи, убрал улики и сразу стал для них лишним свидетелем… Нет, эти гады оборзели и перешли черту!.. Одни мы дальше работать не можем! Но и выкладывать в МУРе всю информацию нельзя… Будем, Сергей, звонить Дибичу.

Это был их школьный друг… Третий из их троицы.

Встречались они редко. Раньше Савенков соревновался с Дибичем в получении звезд на погоны. Но звания они получали почти одновременно и с разрывом в два-три месяца встречались для обмывания очередной звезды.

Выше полковника прыгнуть трудно, а Савенкову на пенсии и вовсе предел. Так что теперь Дибич имеет явный шанс его обогнать.

В перерывах между званиями встречались по особым поводам – свадьба, рождение детей, новоселье, возвращение Дибича из Афганистана…

Последний раз они виделись втроем два года назад, на крестинах внучки Дибича, – такой вот ранний дед.

Анатолий Михайлович был каким-то начальником в МУРе. Савенков никогда не расспрашивал о деталях, да и Дибич ограничивался общими вопросами. Они понимали друг друга – это такая профессиональная этика.

Савенков помолчал и бодрым деловым тоном, как на производственной планерке, продолжил:

– Мы даже не будем звонить Дибичу. Мы сейчас к нему поедем. Вместе с Павленко… Я прав, Сергей?

– А что еще делать?.. Поеду сдаваться. МУР есть МУР!

– Хорошо… А завтра в час дня в «Нику» приедет наша бригада. Демонстративно будем искать, и снимать жучки… Но один, в твоем кабинете, оставим – вроде как не нашли, ошибочка вышла. Демонстративно пошуруем и на телефонном узле… Правда, здесь без ребят Дибича нельзя. Хорошо бы подключиться к тем, кто будет расследовать убийство телефониста… Бандитов бы не спугнуть. Они теперь осторожные, злые. Они что угодно выкинуть могут… Ну, едем, Сергей! Время не ждет!

* * *

Дибич как профессионал усек ситуацию моментально и после краткого рассказа Савенкова подытожил, проверяя, правильно ли он понял:

– Тебя, Сергей, прослушивали и затем нагрели на триста кусков, подставив своего купца и притормозив настоящего. Ловкачи!.. Затем планировался, вероятно, шантаж по твоим амурным делам. Вы вышли на телефониста, и они соскочили на убийство.

Полковник почувствовал азарт охотника. Тут не «Глухарь» какой-то. Здесь задача сложная, но решаемая… И друзьям приятно помочь, и перед начальством не будет стыдно.

От удовольствия Дибич ерзал в скрипучем кресле и потирал руки.

– Так значит, говоришь, Сретенка! А это – Центральный округ.

Он повернулся к пульту, присмотрелся и осторожно нажал кнопку в центре.

– Ганечкин?.. Приветствую тебя, Максим Петрович!.. У вас там убийства сегодня были?.. Ах, целых три? А на Сретенке… Именно так! Ефим Белкин, телефонист… Кто вести будет?.. Это у Рогова? Отлично! Ты попроси Вадима Борисовича завтра в полдень доложить мне все материалы по этому убийству… Да, и запиши там, что дело будет на контроле у меня. Спасибо, Максим!

Дибич ехидно улыбнулся в густые украинские усы:

– Везет вам, ребята. Рогов – мой ученик, а я его старший товарищ. Уважаемый, между прочим… Ему всего тридцать пять… Мы с ним в прошлом году под обстрел даже попали. В Валентиновке, группу брали, ну и… Потом расскажу.

Полковник на минуту затих, вспоминая тот бой в дачном поселке… Интересное было приключение! Но и «Дело Павленко» ожидается занятное…

Дибич вернулся к своим баранам:

– «Сова» будет действовать по своей программе, а мы по своей… А я буду всё координировать!.. Вот так!.. Цель-то у нас одна: убийцу взять и бандитскую группу повязать… Только

надо бы еще Сергею деньги вернуть. И всё сделать так, чтобы жена не загрызла… Если что, спрячем тебя, Серега, в шкаф.

Дибич думал, что на этой фразе все посмеются, но только он сам хихикнул три раза… Савенков даже не улыбнулся. Он был человек интеллигентный, а значит деликатный… А Павленко пока вообще было не до смеха…

Полковник быстро вернулся к деловым вопросам.

– Итак – будем координировать действия на общую пользу… Ты, Игорь, приходи завтра в полдень. Познакомлю с Вадимом Роговым, представлю как друга и частного детектива. Сыщика, ведущего одно дело, где есть некоторые пересечения с убийством не Сретенке… Все он поймет, если я его попрошу… Вы не за рулем?

– Нас парнишка в машине ждет.

– Значит, долго сидеть не будем… Но по сто граммов дагестанского – святое дело.

* * *

Илья Ермолов был фаталистом… Вернее, он стал им десять лет назад, после того случая в ущелье около Кандагара.

Этот афганский эпизод изменил его жизнь, его характер, образ мыслей. Илья знал, что память об этом случае присутствует во всех его делах, размышлениях. Он мог неделями не вспоминать об этом случае, но знал, что оно рядом… Это как заноза, которую невозможно извлечь. Она не мешает, но в неудачном положении вдруг кольнет и напомнит о себе.

…Группа шла по тропе вдоль узкого ущелья. На тропе с трудом могли разойтись два человека, а внизу была практически отвесная двадцатиметровая скала. Изредка встречались площадки, на одной из которых Илья догнал капитана Сергиенко. Тот встретил его очаровательной улыбкой и попросил:

– Давай покурим, Илья. Мои кончились.

– Ну, давай, брат.

Илья повернулся спиной к ущелью и встал почти вплотную к Сергиенко, пропуская группу. Он неторопливо полез в карман, достал пачку и протянул ее другу… Вдруг его рука стала ватной и пачка сигарет выпала на камни. Илья мгновенно наклонился, боясь, что курево полетит в ущелье, и так же мгновенно выпрямился. Он не слышал выстрела. Он только увидел, что Сергиенко, продолжая улыбаться, держится за правую часть груди, а между пальцев струится кровь. Подхватив оседающего на землю капитана и стараясь не упасть вместе с ним в пропасть, Илья закричал, как ему показалось, противно и визгливо:

– Огонь!.. За ущельем – снайпер. Ребята, беглый огонь!.. Санитара ко мне!

…Донести Сергиенко до базы живым не удалось. Всю дорогу Илья шел молча, наклонив голову и разглядывая кровавое пятно на левой стороне груди – кровь Сергиенко, когда он его обнял. Сомнений не было: целились ему в спину, в сердце. И целились точно… Всего один выстрел. Доля секунды – и выпавшая пачка сигарет спасла ему жизнь…

Случайно убит другой.

А пуля была его… Это точно!

* * *

Дома Липкина не было, и Илье с трудом удалось у одной из соседок узнать адрес его матери. Пришлось прокатиться в Чертаново. Мать не выразила особого беспокойства, заявив, что Аркадий человек молодой и самостоятельный. Более того, она, как мать, не считает для

себя достойным занятием отслеживать его контакты… Но Аркадий артист и, где бы он сейчас ни был, к шести часам он будет в театре, где он сегодня играет.

К началу спектакля Липкин не появился, но администратор Викентий Петрович, предупрежденный Ильей, заранее вызвал замену.

Благодарный и взволнованный деятель искусств угощал сыщика кофе в своей каморке:

– Отличный кофе. Пейте, дорогой. Вот и сухарики домашние… А где Липкин – я не знаю, и меня это мало волнует.

– Но это же ваш подчиненный.

– Никакой он не подчиненный… И я не подчиненный – мы все свободные люди… И он свободен… С сегодняшнего числа он уволен… Липкин у нас с октября по договору. Два раза он нарушал договор – хорошо; три раза – очень хорошо… Вы знаете, что на Новый год он был барашком – отличная, надо сказать, роль – так когда на него шкуру натянули и вытолкнули на сцену, он даже блеять не смог. Только гнусно гавкал… А в марте: «Гамлет». Это, вы же понимаете, – классика. Это Шекспир! Это – благоговеть надо. И роль у него удобная – тень отца Гамлета. Это не Розенкранц и тем более не Лаэрт! Тут даже шпагой махать не надо. Ходи себе в тени и вещай загробным голосом. Это даже с перепоя можно играть: и голос подходящий, потусторонний, и морды мятой под капюшоном не видно. Так, здрасьте! Липкин со стены крепостной свалился, и Гамлету вместе с Горацио пришлось его за кулисы вытаскивать – потому что он к зрителям полз… Вы, уважаемый, представляете картинку: при полном зале Гамлет тянет своего отца за ноги… Это уже не Мейерхольд. Это русский сюрреализм!

Викентий Петрович неторопливо пригубил кофе и вежливо продолжил:

– Нет-нет, Липкин уже не жилец… Я имею в виду в нашем театре. А если вы все-таки хотите его найти – вот вам адресок. Это маленькая дачка в Малаховке, вернее, часть дачи… Хозяйка – наша бывшая Офелия. Она сейчас с другом на Кипре – Ольга Маковецкая. Я думаю, что у него есть ключи от этой дачи. Он после каждого прокола по три дня там отлеживается. А Ольга была благородной покровительницей. Она и тогда, зимой, два дня его держала, пока он внятно блеять не стал… Баран беспробудный!.. Вы, если его найдете, так и скажите: мы можем простить, но в последний раз.

* * *

Илья добрался до Малаховки к восьми часам вечера.

Было еще светло. Это упростило поиски двухэтажного каменного дома с высокой красной трубой и обвалившимся балконом. А вот и боковая калитка под рябиной.

Молодец Викентий Петрович – описание соответствует. От калитки через небольшой участок тропинка вела к массивной низкой двери – отдельному боковому входу в часть дачи. Окна были наглухо задернуты шторами, но Илье показалось, что одна из штор была неестественно прижата к стеклу, как будто кто-то стоял за ней, вглядываясь в надвигающиеся сумерки.

Не представляло сложности найти дырку в низком прогнившем заборе. Через минуту Илья был уже на крыльце и три раза отчетливо стукнул кулаком в дверь:

– Откройте, Липкин. Мне надо с вами поговорить. – Через минуту он повторил стук. – Откройте. Я буду вынужден сломать замок.

Дверь открылась неожиданно. На пороге стоял очень гордый своим видом Аркадий Липкин: он был в трусах, с огромным топором или, скорее, колуном в хилых руках.

– Ну, приветик, давно не виделись! – ехидно приветствовал его Илья. – Ты, тень отца Гамлета, топорик-то положи… Я ведь мастер спорта по самбо и могу твою актерскую внешность попортить. Очень даже просто.

Топор покорно лег к ногам. Липкин повернулся, и они медленно прошли в большую комнату.

– Оденься, Липкин! Смотреть на такое и то холодно… Ты что, трезвый?

– Да не было тут ничего. Я все обшарил… А выходить боязно.

– А телефон-то здесь есть, герой-любовник?

– Есть, в соседней комнате… И мне звонили уже несколько раз, но я не подходил.

– А почему знаешь, что тебе?

– А кому же еще?

– Логично. Если не мне – то кому же? Может, Ольге Маковецкой.

– Может, и Ольге, – добродушно согласился Аркадий. – Но мне думается, что мне… Ольга в отъезде.

– По Кипру гуляет с новым другом?

– Нет, друг у нее один! Это я… А это так – спонсор.

– Ну, друг, – сказал Илья, когда Липкин натянул брюки и футболку, – пойдем к телефону вместе, чтоб не убежал еще раз.

Илья позвонил в офис «Совы». Трубку взяла Галактионова.

– Привет, Варюха. Артист при мне, и кейс при нем. Больше обещает не бегать. Что делать будем… Как убили?! Понял. Решаю по обстановке. До завтра.

Липкин начал бледнеть. Он хотел подняться с кресла, но не мог… Прозвучало слово «Убили», а это уже страшно… Не важно, кого, но это рядом. Это и про него могут так завтра сказать… Не надо! Не хочу!

Илья понял состояние Липкина и торопливо заговорил:

– Телефониста, кореша твоего, сегодня убили. И тебя хотели устранить… Мы же тебя спасти должны были, а ты убежал… Они тебя ищут, они думают, что ты их деньги уволок…

– Аспирин там…

– А они думают, деньги. Найдут и не поверят. Мы их раньше должны найти. Вспоминай, голубчик, все, что о них знаешь, вспоминай.

– Они мне записи давали. Разговоры с настоящим Шамом. Я… мы репетировали… Я просто роль сыграл. Телефонист говорил, что мне еще много ролей играть и что они многих в округе слушают… Он еще говорил, что мне теперь краситься надо будет и усы «под Кавказ» отпускать, потому что следующим будет Айвазян… или Айрабян.

– Вот что. Мы твои друзья, больше не бегай.

– Да я теперь… Я ни на метр от вас не отойду!

– Молчи и слушай. Утро вечера мудренее. Но здесь тебе оставаться нельзя. Видишь, я тебя за пару часов нашел… Есть где остановиться?

– Да, в Матвеевском, у Маринки Гладышевой. Она меня всегда примет. Одна она… любит. Я позвоню ей?

– Из Москвы будешь звонить. Идем. Давай пешком до Красково, а там на автобусе. По дороге ты и адрес мне дашь Маринкин, и телефон. И вспоминай все, что о них знаешь, все мелочи…Часик с Маринкой пообщайся, а потом вспоминай встречи с бандитами. Хоть всю ночь вспоминай… И ни капли в рот. Рюмку примешь – и я тебя бросаю: сам выкарабкивайся.

– А как вас зовут?

– Зови Илья Николаевич. Завтра общаться только с теми, кто скажет: «Привет от Ильи».

– Ага, это будет наш пароль.

– Пароль, пароль… Пороть тебя еще надо.

Глава 4

– Отдыхать будем потом! И там! А не сейчас и здесь.

Панин говорил жестко, постепенно раздражаясь… Он видел, что сегодняшнее субботнее утро действует на компаньонов расслабляющее. Именно сейчас надо активно работать, а в офисе постоянная суета… Надо сосредоточиться и все четко спланировать.

– С Артистом, например, что делать будем? Ты, Федор, будешь своих ребят подключать?

– Не буду…

– Как не буду? Почему не буду?! – закричал Панин визгливо и обиженно. – Он деньги унес. Наши деньги!.. Пусть только найдут его. Да я ему сам… плохо сделаю.

– Не стоит его искать, Володя. – Лобачев изображал демонстративное спокойствие. – Ты ведь понял, что нас там ждали, а значит, и денег в кейсе не было. И ищут они его активнее нас. Только и им он не нужен, а нам не страшен. После благополучного… ухода телефониста у Артиста ноль информации.

– А Шам? – возразила Елизавета. – Он же все об этом знает.

– Что он знает? Да, играл роль. Дяденька усатый, попросил Николай Николаевич – и все. Если против нас люди «Паука» играют – они и сами это знают. А если спецслужбы – только посмеются: один жулик другого бизнесмена нагрел. Да как красиво!

– А его связь с убиенным?

– Здесь действительно сложнее… А не он ли его убил?.. Ключ-то тот, разводной, орудие преступления, под сценой спрятано и в вещички Липкина завернуто… «Слесарь» свое дело знает! По моей команде и звоночек Прокурору организуем…Анонимный звонок: видел, мол, как наш Аркадий Маркович под сценой возился и прятал что-то кровавое.

– Ловко! – искренне восхитился Панин.

– Профессионалы работают, – горделиво усмехаясь, поддержал его Лобачев. – О «Пауке» временно забудьте. Практика показала, что опасно работать по объектам последовательно. Он деньги отдаст – потом жалко становится, начинает контригру, и мы увязаем… Всех сразу надо брать. Всех одним махом – и сразу бежим за бугор!.. Я-то к бегству подготовился. Все распродал, в «однушке» живу, чемоданы упакованы – часовая готовность.

– Ну, мы тоже, как видишь, квартиру продали… – торопливо вставила Елизавета, но вдруг ее охватили воспоминания. – Какая была квартира… хоромы, джакузи, шесть комнат, два туалета…

– Правильно сделали!.. Хватит туалетных сантиментов. Ближе к делу!.. Я прав Панин?

– Верно! Давай план, и будем обсуждать. Какие у тебя предложения, Федор?

– План таков: первое – сокращаем личный состав: завтра же трех дамочек из шести отправить в отпуск на два месяца, а остальные, мол, в августе пойдут. Второе: все проекты завершить одним махом. В один, два, три… ну, пять дней, не более… Вы на самодур ловили когда-нибудь? А мне в детстве в Одессе приходилось. Тяжелый груз и по десять крючков на леске – каждые двадцать сантиметров. Крючки без наживки с цветными перышками…

– Не трать время, Федор! Давай по делу…

– А это и есть дело… Это и есть самодур. Дурят, значит, рыбу. Забросишь его и водишь легко, чтобы перышки там в глубине играли… Помню, когда вытаскиваешь – все десять крючков заняты: маленькая такая, годовалая скумбрия… С селедку величиной. Ее у нас в Одессе чирусом звали. Не всегда десять, но семь, восемь крючков заняты. Главное в стаю попасть!.. А мы знаем, где у нас стая. Пора забрасывать.

– Спасибо, Федор, за столь живую аллегорию, – Панин уже успокоился и понял, что пора перехватить инициативу.

– Все, что ты говорил, очевидно, но не конкретно. Я докладываю готовность к забросу твоего самодура… Кстати, стаи нашей на десять крючков не хватит, нам бы три – четыре рыбки поймать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.